

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

LIBRARY MASS.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ЧАСТЬ XVIII.

1908.

ДЕКАВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

СЕНАТОСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1908.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Именные высочайшіе указы, данныя Правительствующему Сѣнату.	41
II. Высочайшія повелѣнія	—
III. Высочайшіе приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія	42
IV. Опредѣленія основнаго отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр.	52
V. Опредѣленія отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр. по начальному образованію	55
Списокъ книгъ, разсмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи безплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ	58
К. О. Тиандеръ. Культурное пьянство и древнѣйшій алкогольный напитокъ человѣчества	203
Н. Д. Зноуко. О походахъ Святослава на Востоку	258
Н. Г. Дебольскій. О содержаніи нравственнаго закона	300
Н. Н. Платонова. Кохановская. I—IV	322

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

В. Е. Рудиковъ. Сочиненія И. Н. Жданова. С.-Пб. 1904—1907	372
С. П. Шестаковъ. <i>Thomas Day Scytour.</i> Life in the Homeric age. New York, London. 1907	388
Э. Л. Радловъ. Проф. В. С. <i>Серебряниковъ.</i> Лейбницъ и его ученіе о душѣ человѣка. С.-Пб. 1908.	407
А. Н. Соболевскій. <i>Fritz Pradel.</i> Griechische und süditalienische Gebote, Beschwörungen und Rezepte. Giessen. 1907	412
— Житіе пронодобнаго Данила, переяславскаго чудотворца, повѣсть о обрѣтеніи мощей и чудеса его. М. 1908	413
Н. Н. Дусиискій. <i>И. Колянъ.</i> Очерки по исторіи древнихъ литературъ. Т. I. Греческая литература. Москва. 1907	414
Н. Н. Вахтинъ. <i>Georg Jacob.</i> Erwähnungen des Schattentheaters in der Weltliteratur. 1906	419
Э. И. Шмитъ. <i>Josef Strzygowski.</i> Die Miniaturen des serbischen Psalters der koeniglichen Hof- und Staatsbibliothek in Muenchen. Wien. 1908	423
Н. О. Лернеръ. Забѣчанія о текстѣ II тома академическаго изданія сочиненій Пушкина	432
Н. Н. Виноградовъ. В. В. <i>Сиповскій.</i> Исторія русской словесности. Часть I, II и III. С.-Пб. 1907—1908.	444
Ф. де Ла-Вартъ. Мой отвѣтъ на „отвѣтъ“ г. Шаровольскаго	450
— Книжныя новости	455

См. 3-ю страницу обложки.

О ПОХОДАХ СВЯТОСЛАВА НА ВОСТОКЪ.

I.

Въ началѣ своей статьи „О посольствѣ Калояна въ Кіевъ“¹⁾ я указалъ на то, что уже В. Григорьевъ обратилъ вниманіе на крайнюю скудость извѣстій нашихъ лѣтописей о походахъ Святослава на Востокъ²⁾. Но ускользнуло это обстоятельство и отъ вниманія Костомарова. „Не беремся рѣшить,—говоритъ онъ,—что было причиной такой краткости: своеправіе ли народной поэзіи, или же, наконецъ, какъ мы готовы признать, причина этой скудости въ томъ, что участвовавшіе въ восточномъ походѣ Святослава его дружинники и соратники, при своей бродячей и, конечно, недолговѣчной жизни, не успѣли распространить въ народѣ сказаній о своихъ подвигахъ и возбудить къ нимъ сочувствіе въ грядущихъ поколѣніяхъ. Сами же они съ своимъ вождемъ тотчасъ бросились въ Болгарію, а оттуда возвратилась ихъ ничтожная часть“³⁾.

Походы эти остаются и до сихъ поръ не изслѣдованными въ нашей исторической наукѣ. Григорьевъ, подвергнувшій весьма тщательному анализу извѣстія арабскихъ писателей о походахъ руссовъ на Востокъ въ 913 и 943 годахъ, оставилъ безъ изслѣдованія вопросъ о походахъ Святослава. Не коснулись его также ни Чертковъ⁴⁾, ни Вѣ-

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1907 г., апрѣль.

²⁾ Григорьевъ, О походахъ Руссовъ на Востокъ, стр. 42.

³⁾ Н. И. Костомаровъ, Собраніе сочиненій, т. XIII, стр. 349.

⁴⁾ А. Чертковъ, Описаніе войны великаго князя Святослава Игоревича противъ болгаръ и грековъ. Москва, 1843.

ловъ ¹⁾, ни даже Д. Щегловъ, хотя первые два писали о Свято-славѣ спеціальныя изслѣдованія, а послѣдній подробно разбиралъ извѣстія арабскихъ путешественниковъ о Руси и ея дѣятельности на Востокъ ²⁾. Впрочемъ, такое отношеніе Щеглова къ данному вопросу для насъ понятно.

Задавшись цѣлью доказать существованіе какой-то особой, Волжской Руси, въ древнѣйшій періодъ своего существованія ничего общаго съ Днѣпровскою Русью не имѣвшей, Щегловъ бралъ у арабскихъ писателей только то, что соотвѣтствовало или могло соотвѣтствовать основной его задачѣ, упорно замалчивая все, этой задачѣ противорѣчащее. Поэтому разбирать извѣстіе Ибнъ-Хаукаля о томъ, что руссы, ограбивъ въ 968 году Итиль и Семендеръ, „тогдашъ отъправились въ Румъ и Андалузъ“, не входило въ расчеты Щеглова, такъ какъ онъ хорошо зналъ, какая Русь ходила въ это время „въ Румъ и Андалузъ“.

Лишь одинъ Погодинъ представилъ намъ общій очеркъ подвиговъ Святослава на Востокъ. Но онъ, придерживаясь Пестора и Ибнъ-Хаукаля, даетъ только картину внѣшней стороны этихъ походовъ, не указывая на цѣли, вызвавшія эти походы, и не подвергнувъ разбору извѣстія источниковъ ³⁾.

Такимъ образомъ, мнѣ, первому, какъ кажется, приходится приступить къ изслѣдованію этого, по словамъ Григорьева, „быть можетъ, важнѣйшаго событія въ древнѣйшей русской исторіи“. Уже одно это обстоятельство налагаетъ на меня обязанность отнестись къ изслѣдуемому вопросу какъ можно внимательнѣе и осмотрительнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ сильно затрудняетъ дѣло вслѣдствіе полного отсутствія руководящихъ пособій, съ одной стороны, и скудости и противорѣчія источниковъ, съ другой. Поэтому, не претендуя на полное рѣшеніе принятой задачи, я сдѣлаю лишь попытку къ ея разрѣшенію, предоставивъ другимъ, воспользовавшись моимъ трудомъ, если, конечно, онъ будетъ того заслуживать, разъяснить этотъ, глубоко интересный эпизодъ въ нашей древнѣйшей исторіи.

О дѣятельности Святослава на Востокъ лѣтописецъ сообщаетъ намъ въ слѣдующихъ словахъ:

¹⁾ Д. Бюловъ, Борьба Святослава Игоревича съ Иоанномъ Цимисхиємъ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1873 годъ, № 12).

²⁾ Д. Щегловъ, Первые странники русской исторіи (*Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1876 годъ, № 4 и 5).

³⁾ М. Погодинъ, Норманскій періодъ русской исторіи, стр. 49—52.

„Въ лѣто 6472. И иде (Святославъ) на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе (на) Вятичи, и рече имъ: кому дань даете? Они же ркоша: Козаромъ по щелягу отъ рала даемъ“.

„Въ лѣто 6473. Иде Святославъ на Козары. Слышавше же Козаре, изыдоша протіву съ княземъ своимъ каганомъ, и съступишася бити; и бывши брани межи ими, одолѣ Святославъ Козаромъ и городъ ихъ Бѣлувежу взя. И Ясы побѣди и Касоги, и приде къ Киеву“.

„Въ лѣто 6474. Побѣди Вятичъ Святославъ, и дань на нихъ възложи“¹⁾.

Разберемъ сперва извѣстіе лѣтописи о первомъ годѣ дѣятельности Святослава. Не будемъ говорить, на сколько правдоподобно, чтобы Святославъ, будучи княземъ кievскимъ, не зналъ, что вятичи, ближайшіе сосѣди сѣверянъ, платившихъ дань еще со временъ Олега, не были подчинены Киеву; для насъ здѣсь не немаловажный интересъ представляютъ собой совсѣмъ другіе вопросы. Во-первыхъ, почему изъ всѣхъ славянскихъ племенъ оставались не подчиненными Киеву одни вятичи? Почему предшественники Святослава заботились о подчиненіи собѣ болѣе отдаленныхъ отъ Кіова племенъ, какъ, на примѣръ, бѣлыхъ хорватовъ и тиверцовъ²⁾, и оставляли безъ вниманія болѣе близкихъ вятичей?

Соловьевъ объясняетъ это тѣмъ, что вятичи „вначалѣ были удалены отъ главныхъ дорогъ, вслѣдствіе чего послѣ всѣхъ племенъ подчинились русскимъ князьямъ, послѣ всѣхъ подчинились христіанству“³⁾. Объясненіе неудачное, такъ какъ вятичи сидѣли отъ Днѣпра никакъ не далѣе хорватовъ и тиверцовъ, не говоря уже о томъ, что въ землю ихъ вела такая торная дорога, какъ Десна. Щегловъ старался объяснить это тѣмъ, что изъ Десны въ Оку совсѣмъ не было дороги, для чего ссылается на исторію, археологію и даже на указанное мѣсто у Соловьева (хотя, какъ видимъ, не совсѣмъ правильно). Но если даже во времена Владиміра Святаго „Русь не знала пути на востокъ черезъ Десну и Оку“⁴⁾, то совершенно непонятно, какимъ же путемъ „въ лѣто 6472 иде Святославъ на Оку рѣку и на Волгу“. Если бы Святославъ пошелъ на вятичей тѣмъ путемъ, который, по словамъ Щеглова, только и существовалъ въ то время, т. е. по Днѣпру на Волгу, а оттуда на

¹⁾ Ипатскій Списокъ, 41.

²⁾ Соловьевъ, т. I, стр. 117. Карамзинъ, т. I, стр. 85.

³⁾ Соловьевъ, т. III, стр. 722.

⁴⁾ Д. Щегловъ, Первые страницы русской исторіи (Журн. Мин. Нар. Просв. на 1876 г., № 5, стр. 4 и 5).

Оку, то Несторъ сказалъ бы объ этомъ такъ: „Въ лѣто 6472. И иде Святославъ по Днѣпру горѣ, а оттолѣ на Волгу рѣку и на Оку“. Но, какъ мы видимъ, онъ выразился совсѣмъ не такъ. Да и странно было бы, если бы Святославъ вздумалъ идти въ землю вятичей предлагаемымъ г. Щегловымъ путемъ!

Во-вторыхъ, чего ради ходилъ Святославъ въ 964 году въ землю вятичей? Неужели только ради того, чтобы спросить у нихъ, кому они платятъ дань? Въ-третьихъ, вернулся ли въ этомъ году онъ въ Кіевъ или нѣтъ? Лѣтописецъ объ этомъ ничего не говоритъ. Въ-четвертыхъ, почему Святославъ, справившись у вятичей въ 964 году о томъ, кому они платятъ дань, нашелъ возможнымъ покорить ихъ область только два года спустя, а не сдѣлалъ этого въ томъ же 964 году? Наконецъ, въ-пятыхъ, чего ради Святославъ искалъ вятичей на Волгѣ? Вѣдь, изъ словъ лѣтописи: „иде на Оку рѣку и на Волгу и налѣзе на Вятичи“, выходитъ такъ, что Святославъ напалъ на вятичей гдѣ-то на Волгѣ, а по Окѣ онъ только шелъ до ихъ земли, или же, что вятичи жили и на Окѣ рѣкѣ и на Волгѣ. Но Несторъ хорошо зналъ, что земля вятичей далеко не доходила до Волги; онъ самъ раньше опредѣленно говоритъ, что „Вятко сѣде своимъ родомъ на Оцѣ“¹⁾; а что въ данномъ случаѣ Несторъ разумѣлъ не нижнее теченіе этой рѣки, а именно верхнее, ясно изъ его же словъ: „а по Оцѣ рѣцѣ, кде втечетъ въ Волгу, языкъ свой Мурома, и Черемиси свой языкъ, и Мордва свой языкъ“²⁾, что согласно и съ новѣйшими изслѣдованіями въ этой области исторіи³⁾. Въ такомъ же случаѣ непонятно, для чего ходилъ Святославъ на Волгу.

Если мы обратимъ теперь свое вниманіе на второе извѣстіе лѣтописи, помѣщенное подъ 965 годомъ, то и въ немъ найдемъ также много неяснаго для насъ и непонятнаго. Во-первыхъ, неизвѣстно, какимъ путемъ шелъ Святославъ „на Казары“ и почему Несторъ нашелъ необходимымъ обозначить мѣстожителство родственнаго племени вятичей и не счелъ нужнымъ указать, хотя приблизительно, гдѣ жили далекіе и чуждые славянамъ хазары, ясы и касоги. Во-вторыхъ, непонятно, какимъ образомъ Святославъ могъ отнять у хазаръ не принадлежавшій имъ городъ, такъ какъ Бѣлая Вежа была греческой крѣпостью (Саркель), построенной византійцами въ началѣ X вѣка, для охраны и укрѣпленія своего вліянія на Азовскомъ побережьѣ, а не ха-

¹⁾ Ипат. Спис., стр. 7.

²⁾ Ibid., стр. 6.

³⁾ Н. Барсовъ, Очерки русской исторической географіи, стр. 155—157.

зарскимъ городомъ¹⁾. Въ-третьихъ, почему свой походъ на хазарь Святославъ ограничилъ наступленіемъ только до западной границы ихъ владѣній, ибо отъ Дона на западъ и до Дуная тянулись уже кочевья печенѣговъ, занявшихъ это пространство въ самомъ началѣ X вѣка²⁾? Гдѣ, въ такомъ случаѣ, въ какихъ мѣстахъ, могли произойти между Русью и хазарами тѣ „брани“, о которыхъ говоритъ лѣтописецъ? Въ-четвертыхъ, почему Несторъ на томъ основаніи, что Святославъ отнялъ у хазарь одну лишь пограничную ихъ вѣрность (допустимъ, что Саркель принадлежалъ хазарамъ), нашелъ возможнымъ приписать ему побѣду на враги и одолѣніе? Въ-пятыхъ, какимъ образомъ и чего ради нашъ князь, взявъ Бѣлую Вежу, вслѣдъ затѣмъ очутился въ земляхъ ясовъ и касоговъ, т. е. нынѣшнихъ осетинъ и кабардинцевъ? Наконецъ, въ-шестыхъ, возможно ли было совершить всѣ эти подвиги въ теченіе одного года, о чемъ опредѣленно свидѣтельствуетъ лѣтопись, заявляя, что въ томъ же 965 году Святославъ „приде къ Киеву“. Все это, какъ я сказалъ, неясно и непонятно. Если же мы сопоставимъ съ данными извѣстіями нашей лѣтописи извѣстія арабскихъ писателей, то встрѣтимъ еще большія затрудненія.

Арабскій писатель X вѣка, Абуль-Касимъ Мухаммедъ, извѣстный болѣе подъ прозваніемъ Ибнъ-Хаукаля, въ своей „Книгѣ путей и государствъ“, сообщаетъ намъ слѣдующія любопытныя свѣдѣнія:

„Русы состоятъ изъ трехъ племенъ, изъ коихъ одно, ближайшее къ Булгару, а царь его находится въ городѣ, называемомъ Куябой, который есть больше Булгара. Другое племя выше перваго, оно называется Славія, а царь ея. (мѣсто не разобрано). Еще колѣно же называется Артанія, а царь его находится въ Артѣ. Люди отправляются торговать съ ними въ Куябу“.

„Русы постоянно торгуютъ съ Хазаромъ и Румомъ“.

„Хазарское море не соединяется съ другими морями, кромѣ того только, что въ него впадаетъ Русская рѣка, извѣстная подъ названіемъ Итиль“.

„Рѣка Итиль выходитъ восточною стороною изъ окрестностей Хирхиза, течетъ между Каймакѣй и Гуззіей, затѣмъ идетъ къ западу по верхней части Булгара, возвращается вспять къ востоку и проходитъ по Русу, затѣмъ по Булгару, потомъ по Буртасу, пока не впадаетъ въ Хазарское море“. „Между внутренними Болгарами на-

¹⁾ *В. Успенскій*, Византійскія владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ IX и X вѣкахъ („Кіевская Старина“, 1889 г., № 5, стр. 258).

²⁾ *Голубовскій*, Печенѣги, торки и половцы, стр. 69.

ходятся христіане и мусульмане“. „Въ настоящее же время не осталось и слѣда ни изъ Булгара, ни изъ Буртаса, ни изъ Хазара, ибо Русы напали (или истребили) ихъ всѣхъ, отняли у нихъ всѣ эти области и присвоили ихъ себѣ“.

„Булгаръ есть небольшой городъ, не имѣющій многихъ владѣній; извѣстенъ же онъ былъ потому, что былъ гаванью этихъ государствъ. Но русы ограбили его, Хазранъ, Итиль и Самандаръ въ 358 году и отправились тотчасъ въ Румъ и Андалусъ“.

„Что касается Хазара, то это имя этихъ людей, столица же есть городъ, называемый Итиль, по имени рѣки, протекающей черезъ него въ Хазарское море. Городъ этотъ не имѣетъ ни многихъ селеній, ни пространнаго владѣнія. Страна эта находится между Хазарскимъ моремъ, Румомъ и Гуззіей“.

„Хазаре имѣютъ также городъ, называемый Самандаромъ. Его населяли мусульмане и другіе; мусульмане имѣли въ немъ мечети, христіане—церкви, а евреи — синагоги. Но Русы напали на все это, разрушили все, что было на рѣкѣ Итиль, принадлежавшее хазарамъ, булгарамъ и буртасамъ, и овладѣли имъ“¹⁾.

Изъ приведеннаго извѣстія Ибнъ-Хаукаля явствуетъ, что въ 358 г. гедры какіе-то руссы, спускаясь внизъ по Волгѣ, ограбили земли камскихъ болгаръ, мордвы и хазаръ, разграбили при этомъ города Булгаръ, Итиль, Хазранъ (восточная половина Итиля) и Самандаръ „и тотчасъ ушли въ Румъ и Андалусъ“. Что разгромъ этотъ былъ очень силенъ, ясно изъ словъ Ибнъ-Хаукаля: „въ настоящее же время ни изъ Булгара, ни изъ Буртаса, ни изъ Хазара не осталось и слѣда“. Булгаръ обратился въ „небольшой городокъ, а «Итиль», о цвѣтушемъ состояніи котораго имѣются свѣдѣнія въ письмѣ (писанномъ около 960. года) хазарскаго кагана Юсифа къ Хасдаю и въ сочиненіи Константина Багрянороднаго²⁾, обратился „въ городъ, который не имѣетъ ни многихъ селеній, ни пространнаго владѣнія“.

Въ данномъ случаѣ для насъ важно имѣть въ виду то обстоятельство, что арабскій писатель упоминаетъ о покореніи болгаръ, буртасовъ и хазаръ въ томъ порядкѣ, въ которомъ размѣстилъ онъ поселенія ихъ по Волгѣ. Кромѣ того, хотя Ибнъ-Хаукаль и не указываетъ намъ, въ какой періодъ времени произошло покореніе Русью всѣхъ этихъ земель, но такъ какъ онъ говоритъ только объ одномъ походѣ

¹⁾ Гаркави, Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ, стр. 218.

²⁾ Гаркави, *ibid.*, 229.

Руси, а не о двухъ или трехъ, то должно признать, что разгромъ всего огромнаго пространства земель отъ средней Волги и вплоть до Самандара явился результатомъ одного похода; такое впечатлѣніе получается и отъ чтенія всего отрывка арабскаго писателя.

Щегловъ сильно возмущается тѣмъ обстоятельствомъ, что извѣстіе о разгромѣ Хазарскаго каганата Русью въ 968 году не занесено въ нашу лѣтопись. „Раньше этого, говоритъ онъ, Святославъ взялъ пограничное козарское укрѣпленіе Саркаль. Это занесено въ лѣтопись; а черезъ нѣсколько лѣтъ раззорена вся страна Козарская, при чемъ разграблена и раззорена столица ея Итиль, и важнѣйшій торговый городъ Семендеръ,—объ этомъ молчатъ лѣтописи“¹⁾. Выше я указалъ на тѣ соображенія г. Щеглова, въ силу которыхъ онъ не пожелалъ заняться самъ изслѣдованіемъ даннаго извѣстія арабскаго путешественника. Теперь же, въ утѣшеніе его, можно было бы сказать, что извѣстіе это занесено въ нашу лѣтопись, хотя и не въ той полнотѣ, въ какой было бы желательно, и не подъ тѣмъ годомъ, въ который оно могло произойти.

Всѣ, описанныя Ибнъ-Хаукалемъ, событія произошли въ 358 геджры, т. е. въ 969 году послѣ Р. Хр., по мнѣнію Гаркави²⁾, или въ 968, по мнѣнію Хвольсона³⁾ и Соловьева⁴⁾. Въ эти годы на Руси княжилъ Святославъ, и, такимъ образомъ, подвиги, о которыхъ передаетъ намъ Ибнъ-Хаукаль, должны быть дѣломъ его рукъ. Но почему Несторъ отнесъ походы Святослава на Волгу къ 965 году, а не къ 968 или 969? На это обстоятельство уже было обращено вниманіе въ исторической наукѣ. Такъ, Френъ думалъ, что походы руссовъ у Ибнъ-Хаукала слѣдуетъ отождествлять съ первымъ походомъ у Нестора въ 965 году; при этомъ онъ предполагалъ, что Несторъ неточно отнесъ это событіе къ 965 году вмѣсто 969. Доссонъ, соглашаясь съ мнѣніемъ Френа, также склоненъ принять, что со стороны русскаго лѣтописца произошла ошибка въ опредѣленіи года этого событія. Историкъ же Грець, для приведенія въ согласіе показаній арабскаго географа и русскою лѣтописи, принимаетъ два похода на хазаръ—въ 965 и 969 годахъ. Къ послѣдному мнѣнію примыкаетъ и Гаркави, прибавляя, что „нашествіе на дунайскихъ болгаръ, предпринятое Святославомъ

¹⁾ Д. Щегловъ, см. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1876, V, 67.

²⁾ *Гаркави*, Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ, стр. 219.

³⁾ *Хвольсонъ*, Извѣстія о Славянахъ и Русскихъ Ибнъ-Даста, стр. 5.

⁴⁾ *Соловьевъ*, т. I, стр. 142.

въ 969 году, а вслѣдствіе сего столкновеніе съ Византіей, какъ разъ подходятъ подъ показаніе арабскаго путешественника ¹⁾).

Спрашивается теперь, которому же изъ двухъ источниковъ, Нестору или Ибнъ-Хаукалю, мы должны повѣрить въ данномъ случаѣ? Что память народная долго хранить важнѣйшія событія родной земли,— это фактъ общезвѣстный. Но что одни событія постепенно вытѣсняются другими, позднѣйшими, перепутываются съ ними, затемняются и, наконецъ, совершенно искажаются, это также не подлежитъ сомнѣнію. Кіевляне, конечно, могли помнить о блестящемъ походѣ Святослава на Волгу, хотя Костомаровъ, какъ указали мы то выше, отрицаетъ и такую возможность, но позднѣйшія событія затемнили это воспоминаніе у ихъ внуковъ, до которыхъ оно дошло уже въ томъ видѣ, въ какомъ и передалъ намъ его Несторъ. Сомнѣваться въ правдивости послѣдняго мы, помятно, не имѣемъ основанія. Онъ правдивъ до того, что иногда самъ не замѣчаетъ тѣхъ несообразностей, о которыхъ пишетъ.

Вообще, хронологія составляетъ одну изъ самыхъ слабыхъ сторонъ народной памяти; въ такой же слабости повиненъ и нашъ первый лѣтописецъ. О княженіи Святослава Несторъ писалъ сто лѣтъ спустя послѣ смерти князя; ясно, что опредѣлить точно годы каждаго изъ событій, происшедшихъ въ его княженіе, онъ не могъ.

Однако, доказывать превосходство историческихъ и географическихъ свѣдѣній о нашей родинѣ арабскихъ писателей передъ нашими лѣтописцами мы, конечно, также не имѣемъ никакихъ основаній. Но мы не можемъ замолчать того факта, что Ибнъ-Хаукаль писалъ свою „Книгу путей и государствъ“ около 976—977 года, т. е. спустя всего 7—9 лѣтъ послѣ разгрома Хазарскаго каганата. Кромѣ того, какъ полагаетъ Гаркави, свѣдѣнія объ этомъ событіи онъ собралъ въ прикаспійскихъ странахъ, такъ какъ самъ Ибнъ-Хаукаль говоритъ, что о Самандарѣ онъ разспрашивалъ въ Джурджанѣ ²⁾. Въ виду этого, мы должны допустить, что жители Самандара могли лучше помнить о постигшемъ ихъ страну бѣдствіи всего за 8—9 лѣтъ предъ тѣмъ, чѣмъ кіевляне эпохи Нестора. Допустивъ даже, что Несторъ для повѣствованія о первыхъ временахъ Русской земли пользовался трудами какого либо, невѣдомаго намъ, болѣе ранняго лѣтописца ³⁾ или разсказами глубокихъ стариковъ, въ родѣ 90-лѣтняго старца Яна или

¹⁾ *Гаркави*, *ibid.*, 224.

²⁾ *Гаркави*, *ibid.*, 224.

³⁾ *М. Погодитъ*, Несторъ, стр. 92.

печерскаго монаха Іереміи ¹⁾, все-таки должно будетъ признать, что о походѣ Святослава на Волгу, на Востокъ, въ 976—977 годахъ; помнили лучше, чѣмъ 40—50 лѣтъ спустя въ Кіевѣ, и что память Яна, повѣствовавшаго Нестору о давно прошедшихъ временахъ, немало сохранила, а прочее... погубило безвозвратно.

Но что извѣстія обоихъ авторовъ не отличаются особенной полнотой, это явствуетъ изъ того, что Несторъ повѣствуетъ намъ о взятіи Бѣлой Вежи и о покореніи ясовъ и касоговъ, т. е. о разгромѣ Святославомъ только западной, болѣе близкой къ Кіеву, части Хазарскаго каганата, и ничего не говоритъ о его дѣлахъ на востокъ. Ибнъ-Хаукаль же не знаетъ о покореніи на западъ хазарской земли и говоритъ только о покореніи булгаръ, бургасовъ и хазаръ, т. е. о разгромѣ восточной части каганата, до земель которой онъ доходилъ. Между тѣмъ несомнѣнно, что и Несторъ и Ибнъ-Хаукаль говорятъ объ одномъ и томъ же, только первый подъ 965, а второй подъ 968 годомъ.

Кромѣ того, въ ихъ показаніяхъ есть еще одно, весьма для насъ существенное разногласіе. Несторъ говоритъ, что Святославъ, послѣ похода на хазаръ, пошелъ опять на вятичей (966 г.); а на Дунай двинулся въ слѣдующемъ, 967 году; Ибнъ-Хаукаль же передаетъ, что руссы, разоривъ Булгаръ, Итиль и Семендеръ, „тотчасъ же (т. е. въ 968 году) ушли въ Румъ и Андалузъ“. Чтобы рѣшить вопросъ, насколько правы въ данномъ случаѣ оба автора, мы обратимся къ нашимъ авторитетамъ и постараемся возможно точнѣе опредѣлить годы походовъ Святослава на Дунай, такъ какъ только при такомъ условіи мы будемъ имѣть возможность опредѣлить и годы походовъ нашего князя на Востокъ, и степень достовѣрности обоихъ нашихъ источниковъ, т. е. и Нестора, и Ибнъ-Хаукаля.

Куникъ въ одномъ изъ своихъ изслѣдованій говоритъ, что „въ нашей лѣтописи, судя по всѣмъ даннымъ, начало русско-болгарской войны и начало выступленія самого императора Цимисхія противъ Святослава относятся на одинъ годъ раньше дѣйствительнаго времени“ ²⁾. Такимъ образомъ, первый походъ Святослава на Дунай слѣдуетъ отнести не къ 967, а къ 968 году, а второй—не къ 970, а къ 971. Съ этимъ мнѣніемъ вполне согласны проф. Успенскій и Васильевскій. Кромѣ того, Куникъ тамъ же говоритъ слѣдующее: „Путешествіе ве-

¹⁾ Ibid., 97.

²⁾ „О годѣ смерти Святослава Игоревича“, Хронологическія разсужденія Н. Ламблина, А. Куника и В. Васильевскаго, стр. 102.

ликой княгини Ольги въ Константинополь и послѣдовавшее затѣмъ крещеніе ея русская лѣтопись относитъ къ 955 году, между тѣмъ уже въ 1810 году Кругъ въ своей византійской хронологіи (стр. 267—282) доказалъ неопровержимо, что крещеніе послѣдовало во 2-й половинѣ 957 года¹⁾. Въ томъ же изслѣдованіи проф. Васильевскій, разбирая хронологическія даты Нестора, говоритъ: „Смерть Ольги въ русскихъ источникахъ относится къ 1 июля 969=6477 года; при этомъ прибавляется, что отъ ея крещенія прошло 15 лѣтъ (похвала Іакова Мниха) или по другимъ 14 (Тверская лѣтопись). Очевидно, ея крещеніе и пребываніе въ Константинополѣ при этомъ предполагается въ 955 году, какъ это и стоитъ въ лѣтописи. Но несомнѣнно, что на самомъ дѣлѣ Ольга была въ Константинополѣ и тамъ крестилась въ 957 году. Прибавляя къ послѣдней цифрѣ 14 лѣтъ, получимъ 971“²⁾.

Такимъ образомъ, изъ всего вышезложеннаго съ несомнѣнной очевидностью вытекаетъ нижеслѣдующее: 1) первый походъ Святослава на Дунай состоялся въ 968 году, а второй—въ 971; 2) въ четырехъ датахъ Несторъ погрѣшилъ четыре раза; два раза онъ ошибся на одинъ годъ, а два раза на два года: 967—968, 970—971, 955—957, 969—971; для насъ здѣсь очень важно и то, что всѣ эти даты падаютъ на время жизни и дѣятельности Святослава; наконецъ, 3) показаніе Ибнъ-Хаукаля, что руссы, разоривъ въ 968 году Булгарь, Итиль и Семендеръ, „тотчасъ ушли въ Румъ и Андалузъ“, совершенно точно опредѣляетъ годъ перваго похода Святослава на Дунай.

Такимъ образомъ, если первый походъ Святослава на Дунай состоялся въ 968 году, а второй—въ 971, то разница въ показаніяхъ обоихъ авторовъ, Нестора и Ибнъ-Хаукаля, относительно обоихъ походовъ, получится ровно въ три года въ томъ и другомъ случаѣ: 965—968, 968—971. Отсюда ясно, что и Несторъ и Ибнъ-Хаукаль одинаково слабы въ хронологіи, и къ показаніямъ ихъ въ этомъ отношеніи мы должны относиться съ одинаковой осторожностью.

Наконецъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду и того обстоятельства, что въ то время какъ Несторъ говоритъ о двухъ походахъ Святослава на Дунай, Ибнъ-Хаукаль знаетъ только объ одномъ движеніи руссовъ въ Румъ и Андалузъ, и, что самое важное, Левъ Діакопъ также не знаетъ ничего о возвращеніи Святослава изъ Болгаріи въ 969 году и о вторичномъ его прибытіи туда въ 971 году. Описаніе

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibid. 175.

руско-болгарской и русско-греческой войнѣ представляет собою одинъ связный рассказъ у Льва Діакона, прерываемый лишь вставками о событіяхъ, имѣвшихъ въ то время мѣсто въ византийской исторіи. Такимъ образомъ, сопоставивъ извѣстія нашей лѣтописи, Ибнъ-Хаукаля и Льва Діакона, мы придемъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) можно допустить два похода Святослава на востокъ (какъ думаютъ Грець и Гаркави) и два на югъ (Несторъ); 2) одинъ походъ на востокъ (Несторъ и Ибнъ-Хаукаль) и два на югъ (Несторъ); 3) одинъ на востокъ (Несторъ) и одинъ на югъ (Левъ Діаконъ).

Остается теперь рѣшить, который изъ этихъ выводовъ слѣдуетъ считать наиболѣе правильнымъ, и въ какомъ годахъ должно приурочить эти походы. Въ виду того, что всѣ ученые, касавшіеся вопроса о дѣятельности Святослава, по тому или другому поводу, придерживаются извѣстія Нестора о двухъ его походахъ на Дунай, то и у насъ нѣтъ основанія отвергать это показаніе нашей лѣтописи, тѣмъ болѣе, что разборъ дѣятельности Святослава на Дунаѣ пока не входитъ въ нашу задачу. Для насъ важно установить, когда и сколько разъ былъ Святославъ на Волгѣ.

Въ виду того, что и Несторъ и Ибнъ-Хаукаль упоминаютъ только объ одномъ походѣ Руси на востокъ, хотя и подъ различными годами, то второй вопросъ рѣшается самъ собой, тѣмъ болѣе, что и всѣ ученые изслѣдователи, кромѣ Греца и Гаркави, признаютъ также только одинъ походъ Святослава на Волгу. Другое дѣло, когда этотъ походъ состоялся. Для рѣшенія этого вопроса мы должны знать точно время дунайскихъ походовъ Святослава. Такъ какъ наиболѣе авторитетные наши ученые установили, что первый походъ свой Святославъ предпринялъ въ 968 году и, сообразно этому, въ 969 году возвратился въ Кіевъ, а второй— въ 971, то ясно, что ни въ 968, ни въ 969 году, какъ говоритъ о томъ Ибнъ-Хаукаль, Святославъ на Волгѣ быть не могъ. Такимъ образомъ, остается еще два періода: первый отъ 964 до 968 года, второй—отъ 969 до 971. Спрашивается, въ который же изъ этихъ періодовъ Святославъ могъ быть на Волгѣ? Въ теченіе перваго періода онъ былъ совершенно свободенъ, во второмъ—связанъ дѣлами на Дунаѣ.

Кромѣ того, если признать, что Святославъ вернулся изъ Болгаріи въ Кіевъ въ іюнь 969 года, если удѣлить затѣмъ хотя три мѣсяца времени на то, чтобы отбить печенѣговъ отъ Кіева и загнать ихъ въ степи, собрать войско для новаго похода и принять мѣры для защиты своей столицы на случай новаго нападенія на нее печенѣговъ, то

окажется, что Святославъ могъ двинуться на хазарь не ранѣе октября 969 года. Идти же на зиму въ донскія степи, а тѣмъ паче на Волгу, едва-ли бы онъ рискнулъ; волей-неволей онъ долженъ былъ бы отложить походъ до весны 970 года; такимъ образомъ, на совершение всего предпріятія у него было бы въ распоряженіи не многимъ болѣе года: съ марта 970 по іюль 971 года. Для того, чтобы разорить подонскую область и взять Саркель и даже чтобы покорить земли ясовъ и касоговъ, этого времени было бы, пожалуй, достаточно, но чтобы опустошить еще земли болгарь, мордвы и хазарь, погромить Итиль и Самандарь, указаннаго количества времени было бы слишкомъ недостаточно даже и для Святослава.

Наконецъ, если изъ того обстоятельства, что кievляне, сидѣвшіе въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ тѣсной осадѣ, должны были посылать за помощью въ Болгарію къ самому Святославу, можно вывести заключеніе, что такой помощи они не могли получить изъ ближайшихъ городовъ, то возникаетъ вопросъ, откуда раздобылъ бы Святославъ войско, необходимое ему для отдаленнаго похода на Донъ и Волгу. Полная безпомощность кievлянъ во время осады ихъ печенѣгами является довольно вѣскимъ доказательствомъ въ пользу того, что Святославъ, уходя на Дунай въ 968 году, повелъ туда съ собою весьма солидное войско, забравъ, очевидно, всю боевую силу Кіева, Любеча, Чернигова, Вышгорода, Бѣлгорода, Витичева, Переяславля и другихъ, ближайшихъ къ Кіеву, городовъ. Уходя изъ Болгаріи, онъ оставилъ тамъ, по крайней мѣрѣ, двѣ трети своего войска, если не три четверти, и прискакалъ въ Кіевъ съ немногочисленной дружиной, достаточной для того, чтобы отбить отъ города печенѣговъ, но слишкомъ слабой для отдаленнаго похода. Поэтому, если бы онъ вздумалъ теперь собирать ополченіе для похода на хазарь, то ему пришлось бы посылать за ратными людьми въ далекіе города, на что ушло бы много времени. Поэтому будетъ гораздо естественнѣе, если мы допустимъ, что свой походъ на востокъ Святославъ совершилъ въ теченіе перваго періода, т. е. въ періодъ времени отъ 964 года по 968.

Но, прежде чѣмъ приступить къ описанію этого похода, мы упомянемъ еще о третьемъ показаніи нашей лѣтописи, помѣщенномъ подъ 966 годомъ, въ которомъ сообщается, что „побѣди влтичь Святославъ и дань на нихъ возложи“. Свидѣтельство это для насъ важно только потому, что подъ нимъ, какъ и подъ извѣстіемъ 964 года, не отмѣчено о возвращеніи князя въ Кіевъ. Такимъ образомъ, изъ трехъ походовъ—964, 965 и 966 годовъ, Святославъ, по извѣстію Нестора,

возвратился въ столицу только одинъ разъ, а именно въ 965 году. Теперь мы приступимъ къ описанію похода Святослава на востокъ.

Походъ этотъ, по нашему мнѣнію, состоялся такимъ образомъ. Двинувшись изъ Кіева въ маѣ мѣсяцѣ 964 года, Святославъ въ концѣ іюля былъ уже въ верховьяхъ Оки, въ землѣ вятичей, покореніемъ которыхъ и былъ занятъ въ теченіе августа, сентября, октября и ноября мѣсяцевъ. Выстроивъ затѣмъ въ теченіе трехъ слѣдующихъ мѣсяцевъ лодки, онъ въ мартѣ поплылъ внизъ по Окѣ, оттуда по Волгѣ и въ концѣ мая былъ уже въ землѣ болгаръ. Разоривъ въ теченіе мая, іюня и іюля мѣсяцевъ земли болгаръ и буртасовъ, Святославъ въ концѣ августа очутился у Итиля. Разгромивъ въ теченіе сентября Итиль и Хазранъ, онъ въ началѣ октября выплылъ въ Каспійское море, погромилъ его западные берега, вошелъ затѣмъ въ устье Кумы, потянулся по ней вверхъ и, бросивъ лодки, въ ноябрѣ очутился на Кубани. Въ теченіе слѣдующихъ четырехъ мѣсяцевъ (декабрь—мартъ) онъ былъ занятъ покореніемъ ясовъ и касоговъ (вѣрнѣе, Тмутараканской Руси), а затѣмъ, выстроивъ новыя лодки въ теченіе апрѣля и мая 966 года, поплылъ внизъ по Кубани, выплылъ въ Азовское море и началъ подниматься по Дону до Саркела, который и взялъ въ сентябрѣ того же 966 года. Отсюда онъ потянулся опять вверхъ по Дону до конца ноября, перетянулъ затѣмъ по снѣгу или однимъ изъ трехъ волоковъ лодки въ Оку, въ землю вятичей, покореніе которыхъ теперь докончилъ, оттуда въ теченіе зимы въ Десну и весной 967 года, приблизительно въ маѣ мѣсяцѣ, вернулся въ Кіевъ ¹⁾.

Представивъ такую картину походовъ Святослава на востокъ, я нарушаю показанія Нестора въ трехъ случаяхъ: во-первыхъ, соединяю три похода въ одинъ; во-вторыхъ, взятіе Саркела отношу не къ 965 году, а къ 966; въ-третьихъ, окончаніе похода предполагаю не въ 966, а въ 967 году. Нарушаю также одинъ разъ показаніе и Ибнъ-Хаукаля, относя разгромъ земель болгаръ, буртасовъ и хазаръ къ 965-му вмѣсто 968 года. Но, при такомъ предположеніи, оказывается возможнымъ дать отвѣты на всѣ тѣ вопросы, которые сами собой вытекаютъ изъ показаній Нестора, и которые я привелъ при разборѣ этихъ показаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ представляется возможнымъ согла-

¹⁾ Весьма тщательныя справки, наведенныя мною о длинѣ Десны, Оки, Волги, Кумы, Кубани и Дона, о времени, которое потребовалось бы для того, чтобы проплыть каждую изъ этихъ рѣкъ, о времени вскрытія и замерзанія ихъ, о льдахъ на Окѣ и Кубани и т. п., я считаю лишнимъ приводить, чтобы не утомлять читателя.

совать показаніе нашего лѣтописца и Ибнъ-Хаукаля, допустивъ, что и тотъ и другой нѣсколько ошиблись въ своихъ датахъ.

Необъяснимыми пока остаются только три предложенныхъ мною же вопроса: 1) почему изъ всѣхъ славянскихъ племенъ позже всѣхъ были покорены вятичи; 2) какимъ образомъ Святославъ могъ отнять у хазаръ не принадлежавшій имъ Саркель, и 3) откуда почерпнулъ Ибнъ-Хаукаль свѣдѣніе о томъ, что руссы, ограбивъ Итиль и Семендеръ, „отправились тотчасъ въ Румъ и Андалузъ“? На послѣдній вопросъ я постараюсь дать отвѣтъ сейчасъ же.

Словомъ *тотчасъ* Ибнъ-Хаукаль, несомнѣнно, хотѣлъ указать на то, что руссы ушли въ Румъ непосредственно послѣ разгрома Самандара. На такое заключеніе навели Ибнъ-Хаукаля, надо думать, свѣдѣнія, собранныя имъ въ Джурджанѣ о томъ, что руссы, погромивъ западные берега Каспійскаго моря, двинулись на западъ, къ Черному или Азовскому морю, т. е. къ единственной дорогѣ въ Румъ. Поэтому, если бы Святославъ, послѣ разгрома Самандара, не потянулся вверхъ по Кумѣ, а вновь пошелъ къ устью Волги, то Ибнъ-Хаукаль такъ не сказалъ бы, ибо онъ хорошо зналъ, что „Хазарское море не соединяется съ другими морями“, и что изъ него нельзя „идти тотчасъ въ Румъ и Андалузъ“. Вѣроятность такого предположенія подтверждается еще и тѣмъ, что Ибнъ-Хаукаль, какъ указано выше, ничего не сообщаетъ намъ о взятіи Святославомъ Саркела и „браняхъ“ его съ хазарами въ западной части каганата. Не зная, очевидно, о существованіи волока между Дономъ и Волгой, а, быть можетъ, и о существованіи самого Дона ¹⁾, онъ допускалъ возможность возвращенія руссовъ домой только тѣмъ путемъ, какимъ пришли они въ Каспійское море, а потому движеніе ихъ въ другую сторону, въ данномъ случаѣ на западъ, и принялъ за походъ ихъ „въ Румъ и Андалузъ“.

Что же касается двухъ первыхъ вопросовъ, то отвѣты на нихъ будутъ даны въ слѣдующей главѣ.

II.

Теперь естественно будетъ предложить вопросъ: съ какою же цѣлью предпринималъ Святославъ свой отдаленный походъ на Оку, Волгу и Донъ? Соловьевъ рассматриваетъ его, какъ мечь со стороны Святослава приволжскому населенію за недавнія пораженія рус-

---

¹⁾ Гаркави, *ibid.* 217.

совъ ¹⁾). Почти такое же объясненіе даетъ и М. Погодинъ ²⁾). Гаркави идетъ нѣсколько дальше. „Поводомъ къ этимъ нашествіямъ на Хазарію служили русскимъ“, говоритъ онъ, „во-первыхъ, желаніе избавить своихъ единоплеменниковъ вятичей отъ хазарскаго господства и подчинить ихъ себѣ. Затѣмъ, весьма понятно, что желая имѣть свободный доступъ къ Кавказу и прикаспійскимъ краямъ, а можетъ быть также желая отомстить за неудачные походы 913 и 943 годовъ, и встрѣчая тому несодвигимое препятствіе въ хазарахъ, русскіе должны были обратить свое оружіе противъ сихъ послѣднихъ. Очень можетъ быть, что булгаре и буртасы были союзниками хазаръ, и посему должны были поплатиться вмѣстѣ съ ними послѣдними. Кроме того, въ показаніи Масуди мы видѣли, что остатки руссовъ, бѣжавшіе изъ хазаринъ послѣ сраженія съ мусульманами, были истреблены булгарами и буртасами, и весьма естественно, что при случаѣ русскіе покончили и съ ними расчеты“ ³⁾).

Не возражалъ противъ такихъ взглядовъ, мы можемъ предположить, что въ данномъ случаѣ Святославъ преслѣдовалъ и другія, болѣе широкія цѣли.

Для этого намъ слѣдуетъ обратиться за помощью къ теоріи профессора Ключевскаго; по основнымъ ея положеніямъ, общимъ интересомъ, создавшимъ великое княжество Кіевское, направлявшимъ и его дальнѣйшее развитіе и руководившимъ какъ внутренней, такъ и внѣшней дѣятельностью первыхъ кіевскихъ князей, была внѣшняя торговля. Сообразно этому, и внѣшняя дѣятельность древнихъ нашихъ князей была направлена къ двумъ главнымъ цѣлямъ: 1) къ приобрѣтенію заморскихъ рынковъ и 2) къ расчисткѣ и охранѣ торговыхъ путей, которые вели къ этимъ рынкамъ. Причина же, въ силу которой внѣшняя торговля легла въ основу государственной дѣятельности первыхъ кіевскихъ князей, заключалась въ томъ, что славянскія племена, уже тотчасъ по водвореніи своемъ на рѣчныхъ бассейнахъ восточно-европейской равнины (въ VII—VIII вѣкахъ), были втянуты въ то торговое движеніе, которое пересѣкло нашу родину въ различныхъ направленіяхъ. Каспійское, Черное и Балтійское моря уже въ то время служили ареной оживленнѣйшихъ торговыхъ сношеній этой равнины съ азіатскимъ Востокомъ и европейскимъ Западомъ. На Каспійскомъ

¹⁾ *Соловьевъ*, т. I, стр. 142.

²⁾ *Погодинъ*, *Норманскій періодъ русской исторіи*, стр. 49.

³⁾ *Гаркави*, *ibid.* 225—226.

морѣ главными дѣятелями этихъ сношеній были хазары, на Черномъ—греки, а на Балтійскомъ—норманны.

Торговое движеніе шло по двумъ главнымъ путямъ: западному и восточному. Главную артерію перваго пути составляла водная линія Волховъ-Днѣпръ; подъездными путями къ ней служили: Финскій и Рязскій заливы, Западная Двина, Припеть, Сожъ и Десна со всѣми ихъ притоками. Главную артерію втораго пути составляла Волга, а подъездными дорогами къ ней: Кама, Ока и Донъ со всѣми ихъ притоками. Первый путь ложалъ ближе къ Европѣ, второй ближе къ Азіи. Славяне, при своемъ движеніи изъ предгорій Карпатъ, начали осѣдать раньше по *первому* пути, и когда всѣ мѣста здѣсь были заняты, то позднѣйшимъ пришельцамъ, каковыми по лѣтописи были вятичи, достались земли уже къ востоку отъ нихъ. Въ силу этого, на днѣпровскомъ пути раньше образовались городовыя области, раньше возникли промышленно-военныя княжества ¹⁾).

Если мы примемъ во вниманіе теорію проф. Ключевскаго, то намъ будетъ понятно, почему дѣятельность первыхъ кіевскихъ князей, предшественниковъ Святослава, была направлена на упроченіе своей власти именно по этому первому пути. Ко времени Святослава путь этотъ, *казалось*, былъ вполне обезпеченъ за Кіевомъ: попытки древлянъ къ отложенію подавлены силой оружія, углича, послѣ упорной борьбы, примучены Свѣнелдомъ, а о существованіи княжества Рогволода пока еще нѣтъ извѣстій. Теперь настало, *казалось*, время, когда кіевскіе князья могли обратить свое вниманіе и на восточный путь. Главными дѣятелями на этомъ пути были *камскіе болгары*, столица которыхъ являлась складочнымъ мѣстомъ товаровъ, шедшихъ по верхней Волгѣ, Камѣ и Окѣ, и *хазары*, державшіе въ своихъ рукахъ всю поволжскую и подонскую торговлю. Вятичи, сидѣвшіе на верхней Окѣ, уже въ силу своего географическаго положенія, тянули ко *второму*, волжскому пути; въ то же время они были *ближайшимъ* на этомъ пути къ Кіеву племенемъ. Теперь намъ будетъ понятно, во-первыхъ, почему Святославъ, первый изъ кіевскихъ князей рѣшившійся или, какъ увидимъ то ниже, *вынужденный* двинуться на востокъ, нанесть свой первый ударъ именно вятичамъ: покореніемъ земли вятичей онъ захватывалъ въ свои руки одинъ изъ путей поволжской торговли; во-вторыхъ, почему вятичи были покорены кіевскими князьями позже всѣхъ другихъ славянскихъ племенъ: они си-

¹⁾ *Ключевскій*, Курсъ русской исторіи, ч. I.

дѣли не на томъ пути, на который было направлено все вниманіе предшественниковъ Святослава. Сказать опредѣленно, когда началась торговля Руси съ Востокомъ, мы, конечно, не можемъ, какъ не имѣемъ возможности опредѣлить время, когда появились болгары и хазары на востокъ Европы.

Что касается болгаръ, то настоящимъ гнѣздомъ ихъ были сѣверо-восточные берега Волги, около тѣхъ мѣстъ, гдѣ она принимаетъ въ себя Каму, или нѣсколько южнѣе. Можно предполагать, что тамъ, уже около V столѣтія, если не ранѣе, возникла первая держава болгаръ, хотя первыя извѣстія о нихъ, принадлежащія Ибнъ-Фоцлану, относятся только къ началу X вѣка. Изъ этихъ извѣстій видно, что въ X вѣкѣ болгары составляли уже сильный народъ, имѣли города, вели обширную торговлю, въ которой пользовались сперва арабской и бухарской монетой, а затѣмъ и своей собственной, исповѣдывали частью мусульманскую религію, частью христіанскую, знали искусство письма и повиновались одному самодержавному государю. Вообще можно положительно утверждать, что болгары достигли замѣчательной степени образованности раньше всѣхъ народовъ сѣверо-восточной Европы, исключая только хазаръ. Въ цвѣтущую пору болгарскаго царства, границы его владѣній простирались отъ Уральскихъ горъ до Суры и Оки и отъ Вятки и Камы до истоковъ Дона, Хопра и Самары, хотя не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что на этомъ пространствѣ жили вмѣстѣ съ ними вотяки, чуваша, черемисы и мордва. Причина столь цвѣтущаго состоянія волжскихъ болгаръ заключалась въ выгодахъ ихъ географическаго положенія: земля болгаръ была складочнымъ мѣстомъ торговли, которая шла между самыми сѣверными странами Европы и азіатами, стремившимися въ Біармію и Новгородъ. По Вяткѣ и Камѣ болгары имѣли торговыя сношенія съ разными финскими племенами, жившими на сѣверъ отъ нихъ; внизъ по теченію Волги—съ народами прикаспійскими, а вверхъ по ней—съ западными и сѣверо-западными жителями Руси. Кромѣ того, между Болгаромъ, Харезмомъ (Хивой) и Хорасаномъ шла постоянная караванная торговля. Парча и другія издѣлія Византіи также не были неизвѣстными товарами въ Болгаріи ¹⁾.

Съ хазарами же познакомилась Византія въ первый разъ и обмѣнялась съ ними посольствами при императорѣ Юстинѣ II, когда хазары жили еще у Каспійскаго моря. Вслѣдъ затѣмъ они начинаютъ

¹⁾ В. Григорьевъ, Волжскіе Булгары.

распространять свои завоеванія на западъ отъ этого моря, въ VII столѣтїи утверждаются прочно на обѣихъ сторонахъ Керченскаго пролива, а въ VIII—овладѣваютъ всѣмъ пространствомъ отъ Каспійскаго моря до береговъ Днѣстра и отъ Чернаго моря до береговъ Оки и Камы. Вѣроятно, что въ этомъ же вѣкѣ хазары, простирая свое оружіе на сѣверъ, сдѣлали своими данниками и славянскія племена—полянгъ, сѣверянгъ, радимичей и витичей. Въ теченіе IX вѣка могущество хазаръ возрастало, а въ половинѣ X вѣка границы ихъ владѣній, по словамъ Константина Порфиророднаго, составляли на югѣ—Каспійское море и горы Кавказа, на западѣ—Донъ и Азовское море, на сѣверѣ—волжскіе болгары, а на востокѣ—башкиры и другія кочевыя племена турецкія ¹⁾.

Если мы теперь, согласно теорїи проф. Ключевскаго, временемъ расселенія славянскихъ племенъ по рѣчнымъ бассейнамъ восточно-европейской равнины примемъ VII и VIII столѣтїя, то тѣмъ самымъ должны будемъ признать, что и торговли ихъ съ хазарами и волжскими болгарами началась также въ тѣ вѣка. Неопровержимымъ доказательствомъ послѣдняго служить огромное количество куфическихъ монетъ, найденныхъ въ предѣлахъ нынѣшней Россїи, отъ Казанской губерніи и до Балтійскаго моря. Монеты эти принадлежатъ одному періоду—отъ начала VIII вѣка и по конецъ X. Попадаются и болѣе раннія—съ конца VII вѣка, и болѣе позднія—отъ начала XI, но ихъ очень мало. Всѣ эти монеты или азіатскія, или африканскія и испанскія. Азіатскія принадлежатъ мусульманскимъ династіямъ, властвовавшимъ въ нынѣшнихъ Хивѣ, Бухарѣ, Афганистанѣ, Персїи, Сирїи и Арменїи, отъ Евфрата до Сырь-Дарьи. Къ этому же разряду можно причислить нѣкоторымъ образомъ и монеты волжскихъ болгаръ. Распредѣленіе найденныхъ монетъ по вѣкамъ ясно указываетъ на то, что торговля Руси съ Востокомъ, начавшаяся въ исходѣ VII столѣтїя, развивалась въ VIII, наивысшаго своего расцвѣта достигла въ IX, а съ начала X стала постепенно падать и въ началѣ XI погибла окончательно ²⁾.

Но съ начала того же X вѣка идетъ постепенный упадокъ и политическаго могущества хазаръ, чему было довольно много причинъ. Во 1-хъ, принятіе мусульманства (въ 868 году), содѣйствовавшая, конечно, смягченію нравовъ народа, но вмѣстѣ съ тѣмъ ослаблявшая

¹⁾ В. Гриморель, Обзоръ политической исторїи хазаровъ.

²⁾ В. Гриморель, О куфическихъ монетахъ.

ту дикую храбрость, тотъ воинственный духъ, который помогъ нѣкогда хазарамъ образовать обширную державу. Во 2-хъ, появленіе хищныхъ печенѣговъ, которые, подвигаясь постепенно съ востока, отъ рѣки Урала, къ западу, въ 900 году перешли Донъ и раскинули свои кочевья на всемъ огромномъ пространствѣ отъ этой рѣки до Дуная, гдѣ мы встрѣчаемъ ихъ уже въ 915 году ¹⁾. Въ 3-хъ, внутреннія усобицы, происшедшія у хазаръ около 899 года, когда хабары, одно изъ храбрѣйшихъ племенъ, поднявшее возстаніе, были побѣждены и удалены въ землю венгровъ, гдѣ и слились съ ними въ одинъ народъ. Въ 4-хъ, образованіе великаго княжества Кіевскаго на счетъ племенъ, когда-то подчиненныхъ хазарамъ и платившихъ имъ дань. Уже Аскольдъ и Диръ, овладѣвъ Кіевомъ, лишили хазаръ той дани, которую платили имъ полле, а Олегъ взялъ себѣ и ту, которую получали они съ радимичей и сѣверянъ. Въ 5-хъ, страшные набѣги руссовъ въ 913 и 943 годахъ поколебали хазарскую державу въ самыхъ основаніяхъ ея ²⁾.

Что походы эти были, и что первый изъ нихъ состоялся въ 913 году, а второй—въ 943, въ этомъ, послѣ изслѣдованія Григорьева, уже не можетъ быть никакого сомнѣнія. Совсѣмъ другое дѣло—*кто совершилъ эти походы*, ибо отвѣтить на этотъ вопросъ самъ Григорьевъ, къ сожалѣнію, отказался ³⁾. Между тѣмъ, правильное рѣшеніе этого вопроса представляеть для насъ въ данномъ случаѣ дѣло первостепенной важности; въ силу этого мы теперь и остановимся на немъ, привелъ всѣ, по возможности, теоріи ученыхъ, занимавшихся его изслѣдованіемъ.

Щегловъ силился доказать, во что бы то ни стало, что походы эти были совершены Волжской, или Ростовской русью. Но, по словамъ Масуди, руссы въ 913 году попали въ хазарскую рѣку черезъ рукавъ Нейтась ⁴⁾; чего же ради Русь, жившая на Волгѣ, попала въ устье Волги такой удивительной дорогой: черезъ Черное и Азовское моря и рѣку Донъ! Щегловъ рѣшилъ вопросъ очень просто: „Руссы жили на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей“ ⁵⁾. Но такъ какъ отъ средней Волги до береговъ Чернаго и Азовскаго морей дистанція огромнаго размѣра, и, кромѣ того, было бы совершенно

¹⁾ И. Голубовскій, Печенѣги, торки и половцы, стр. 69.

²⁾ В. Григорьевъ, Обзоръ политической исторіи хазаровъ.

³⁾ Григорьевъ, () походахъ Руссовъ на Востокъ, стр. 43.

⁴⁾ Гаркави, *ibid.* 131.

⁵⁾ Д. Щегловъ, Жур. Мин. Нар. Пр. за 1876 г., № 5, стр. 168.

непонятно, почему Русь, жившая въ Поморьѣ, называлась Волжской и составляла нѣчто отдѣльное отъ южной, къ которой она была ближе, чѣмъ къ сѣверной, то Щегловъ передвигаетъ свою Волжскую Русь постепенно съ береговъ Волги на берега Оки, затѣмъ Дона и наконецъ опускается до Босфора Киммерійскаго ¹⁾. Печего, конечно, и доказывать, что такимъ приемомъ онъ самъ хоропитъ свое собственное изобрѣтеніе.

Н. Полевой колеблется при рѣшеніи вопроса, какой Руси приписать эти походы — Ростовской или Новгородской ²⁾. М. Погодинъ, не обинуясь, приписываетъ этотъ походъ Игорю, но, къ сожалѣнію, относитъ его не къ 913, а къ 915 году, такъ какъ въ 913 и 914 годахъ Игорь ходилъ усмирять попытавшіяся было отложиться племена ³⁾. Та же исторія повторяется и съ походомъ 943 года.

Григорьевъ и Карамзинъ ⁴⁾ не берутся рѣшать вопросъ, какой Руси приписать этотъ походъ, Щегловъ и Полевой толкуютъ все о той же Волжской Руси, Соловьевъ склоненъ приписать оба похода Азовской, или Черноморской Руси ⁵⁾, а Погодинъ готовъ допустить, что походъ этотъ—дѣло рукъ того же Игоря. Бѣда только въ томъ, что и этотъ походъ, какъ и предыдущій, Погодинъ опять отодвигаетъ на два года ⁶⁾, чего мы, послѣ изслѣдованія Григорьева, допустить никакимъ образомъ не въ правѣ. Согласно съ Соловьевымъ рѣшаетъ этотъ вопросъ и Ламбинъ.

Разобравъ извѣстное уже намъ показаніе Масуди, Ламбинъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: во 1-хъ, соединенное море Майотасъ-Нейтасъ Масуди называетъ не хазарскимъ, а моремъ болгаръ (Черныхъ) и руссовъ; во 2-хъ, крѣпость, у которой останавливались руссы въ 913 году, лежала не у пролива Киммерійскаго, а на Дону, и такимъ образомъ берега этого пролива, уже въ это время, не принадлежали хазарамъ; въ 3-хъ, тотъ же Масуди причисляетъ къ обитателямъ земель къ сѣверу отъ Кавказа и руссовъ и помѣщаетъ ихъ рядомъ съ болгарями на восточномъ берегу Русскаго моря или моря болгаръ и руссовъ, т. е. въ той самой мѣстности, при Киммерійскомъ проливѣ, гдѣ въ его время, именно въ 944 году, какъ

¹⁾ Щегловъ, *ibid.*, 169.

²⁾ Н. Полевой, *Исторія русскаго народа*, т. I, стр. 138.

³⁾ М. Погодинъ, *Норманскій періодъ*, стр. 22.

⁴⁾ Карамзинъ, т. I, стр. 106.

⁵⁾ Соловьевъ, т. I, стр. 130.

⁶⁾ М. Погодинъ, *ibid.*, 34.

мы достовѣрно знаемъ изъ договора Игорева, дѣйствительно господствовалъ какой-то „князь русскій“, владѣнія котораго лежали „между Херсономъ и Черной Болгаріей“. Затѣмъ, разсмотрѣвъ дѣятельность Олега на югѣ, Ламбинъ приходитъ къ такому заключенію: „Итакъ мы имѣемъ полное право отнести начало русскаго господства въ Тмутаракани ко временамъ Олега, и именно къ тому двадцатилѣтію его княженія (884—906), въ продолженіе котораго о дѣлахъ его наша лѣтопись хранитъ глубокое молчаніе, потому, конечно, что о нихъ не сохранилось никакихъ извѣстій, а не потому, что никакихъ дѣлъ не было“. „Если хазары“, продолжаетъ Ламбинъ, „которые на сушѣ, конечно, были сильнѣе руси, оставили во власти Олега внезапно захваченные имъ Кіевъ и земли полянъ, сѣверянъ и радимичей, и даже не пытались, какъ видно, воротить ихъ вполнѣ, то это, по всей вѣроятности, слѣдуетъ приписать тому, что Олегъ успѣшилъ перенести борьбу съ ними на другой театръ — на море, гдѣ перевѣсъ былъ уже на его сторонѣ, т. е. что онъ занялъ крѣпкую позицію на островѣ Тамани и отсюда по Азовскому морю и Дону, опустошая на пути всё земли вправо и влево, вторгнулся въ самое сердце Хазаріи и, угрожая Кагану въ собственной его столицѣ, начерталъ ему условія мира, подобныя тому, какія вскорѣ потомъ побѣдоносный мечъ его зарубилъ грекамъ подъ стѣнами Царьграда“¹⁾.

Въ данномъ случаѣ Ламбинъ говоритъ о какомъ-то походѣ, совершенномъ Русью въ самое сердце Хазаріи, подъ предводительствомъ Олега, до 906 года. Рѣшеніе вопроса, почему объ этомъ походѣ не сохранилось никакихъ извѣстій ни у арабскихъ путешественниковъ, ни въ нашихъ лѣтописяхъ, не входитъ въ мою задачу. Для насъ здѣсь важно то, что если мы, согласно теоріи Ламбина, признаемъ существованіе Черноморской Руси уже въ концѣ IX вѣка, тогда вопросъ о томъ, какая Русь совершила походы 913 и 943 годовъ, рѣшается самъ собой; тогда будетъ несомнѣнно, что походы эти были совершены этой самой Черноморской или Тмутараканской Русью, тѣмъ болѣе, что такого же взгляда на этотъ вопросъ держится и самъ Соловьевъ. Но въ такомъ случаѣ возникаетъ другой вопросъ, имѣющій для насъ огромное значеніе: въ какихъ же отношеніяхъ находились между собой Русь Черноморская и Русь Кіевская? Со-

¹⁾ Н. Ламбинъ, Тмутараканская Русь (*Жур. Мин. Нар. Пр.* за 1874 годъ, № 1, стр. 77—79).

гласно взгляду Ламбина, первая была собственнымъ, добытымъ мечемъ, достояніемъ второй. Но если мы вспомнимъ, что первый же владѣтель ея умеръ осенью 912 года, а ближайшій преемникъ его въ теченіе 913 и 914 годовъ былъ занятъ своими дѣлами у себя, въ Кіевской Руси, то естественно будетъ предложить вопросъ: имѣлъ ли какою-нибудь отношеніе къ походу 913 года Игорь или нѣтъ? Самостоятельно ли предприняла этототъ походъ Черноморская Русь, или съ согласія и разрѣшенія кіевского князя? Далѣе, если мы не забудемъ, что разбитый въ 941 году греками Игорь, въ теченіе двухъ слѣдующихъ лѣтъ, былъ занятъ усиленными приготовленіями къ новому походу на Византію, то спрашивается: въ какомъ отношеніи находятся между собой оба похода одного и того же 943 года? Можно-ли предположить, что въ данномъ случаѣ Игорь рѣшилъ дѣйствовать разомъ на два фронта, — двинувъ Черноморскую Русь на хазарь, а самъ двинувшись на Византію, или, что оба похода были совершены независимо другъ отъ друга? На эти вопросы, мнѣ кажется, отвѣтъ можетъ быть только одинъ: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ Русь Черноморская дѣйствовала совершенно независимо отъ Руси Кіевской, т. е., говоря другими словами, Русь Черноморская находилась въ это время въ полной независимости отъ Руси Кіевской.

Это вытекаетъ, во 1-хъ, изъ удивительнаго совпаденія годовъ. Въ теченіе всего своего княженія Игорь былъ въ особенно затруднительномъ положеніи именно въ 913 — 914 и 941 — 943 годахъ, и именно на эти годы падаютъ оба похода Черноморской Руси. Во 2-хъ, какой интересъ былъ для Игоря посылать въ 913 году Черноморскую Русь въ какую-то невѣдомую „Нефтяную Землю“, если у него и дома было довольно дѣла: подъ бокомъ волновались древляне, съ угличами тянулась упорная борьба, начатая еще при Олегѣ, а вятичи оставались и совсѣмъ не покоренными? Въ 3-хъ, чего ради сталъ бы Игорь тратить массу времени и денегъ на наемъ далекихъ варяговъ для второго похода на Византію, если у него подъ рукой были огромныя силы Черноморской Руси? Наконецъ, въ 4-хъ, непонятно, чѣмъ руководствовался онъ, отправляя эту Русь въ далекую Берду вмѣсто того, чтобы двинуть ее на Византію? Изъ всего этого, мнѣ кажется, можно сдѣлать тотъ выводъ, что если Черноморская Русь, въ эпоху своего основанія, и считалась находящейся въ зависимости отъ кіевскихъ князей, то уже съ первыхъ же дней своего существованія упорно начала стремиться къ независимости, чего въ концѣ концовъ и добилась, умѣло пользуясь для этого благоприятными обстоятельствами. По-

этому, положительно можно утверждать, что въ концу княженія Игоря она представляла собой *совершенно независимое и отъ Кіева и отъ хазаръ владѣніе*.

Въ доказательство я позволю себѣ сослаться на 8 и 11 статьи договора Игоря съ греками.

Ст. 8. „А о Корсунствѣ странѣ: елико же есть городовъ на той части, да не имати волости *князи Рустии*, да воюете на тѣхъ странахъ, и та страна не покоряется вамъ; и тогда аще просить вой у насъ *князь Русскій*, да воюетъ, да дамъ ему, елико ему будетъ требѣ“.

Ст. 11. „А о сихъ, оже то приходятъ Чернии Болгаре, и воюютъ въ странѣ Корсунствѣ, и велимъ *князю Русскому*, да ихъ не пускаетъ: пакостятъ странѣ его“ ¹⁾.

По поводу этихъ статей академикъ Кунинъ говоритъ слѣдующее: „Безъ сомнѣнія, въ этомъ договорѣ намекается на владѣнія русскаго *великаго князя* на Киммерійскомъ Воспорѣ или неподалеку отъ него, такъ какъ оттуда только могъ онъ воспрепятствовать Чернымъ (Кубанскимъ) Болгарамъ дѣлать набѣги на Крымъ“ ²⁾.

Ламбинъ, съ своей стороны, высказываетъ такой взглядъ на смыслъ этихъ статей. „Что упоминаемая въ договорѣ Игоря страна русскаго князя должна была лежать между Херсонскою областью и землею Черныхъ Болгаръ, т. е. на берегахъ Киммерійскаго пролива, это не можетъ подлежать сомнѣнію“ ³⁾.

Такимъ образомъ, оба ученыхъ категорически утверждаютъ, что въ концѣ княженія Игоря, на берегу Киммерійскаго Босфора, находились владѣнія русскаго князя. Но возникаетъ вопросъ: какого же князя? Кіевского или Черноморскаго? Въ виду того, что Кунинъ говоритъ *великаго князя*, а Ламбинъ считаетъ Тамань владѣніемъ Кіевскихъ князей, должно признать, что въ данномъ случаѣ оба ученыхъ подъ этимъ княземъ разумѣютъ Игоря, т. е. великаго князя Кіевского. Однако, трудно въ этомъ согласиться съ ними.

Дѣло въ томъ, что изъ всѣхъ 16 статей договора Игоря съ греками, выраженія—„*князи Рустии*“, „*князь Русскій*“ и „*князю Русскому*“—встрѣчаются только въ двухъ статьяхъ, и именно въ 8-ой и 11-ой. Во всѣхъ же остальныхъ статьяхъ эти выраженія замѣняются другими, а именно: „Иворъ, соль Игоревъ, *великаго князя Русскаго*“,

¹⁾ *Владиміръскій-Будановъ*, Хрестоматія по исторіи русскаго права, выи. I, стр. 16.

²⁾ *А. Кунинъ*, Записка готскаго топарха, стр. 80.

³⁾ *Н. Ламбинъ*, Тмутараканская Русь, *ibid.*, стр. 73.

„отъ Игоря, великаго князя Русскаго“. „И великій князь нашъ Игорь (и князи)“ (ст. 1). „А великій князь Русскій“ (ст. 2); „да приводятъ къ великому князю Русскому Игореву“ (ст. 16). Спрашивается, чѣмъ объяснить такое явленіе? Можно ли допустить, чтобы лицо, писавшее текстъ этого договора, такъ точно обозначающее вездѣ всѣ эпитеты Игоря, нашло почему-то возможнымъ выпустить эти эпитеты и именно въ 8-ой и 11-ой статьяхъ? Почему выраженіе: „великому князю Русскому Игореву“—статья 16-ой замѣнено выраженіемъ: „князю Русскому“—въ статьѣ 8-ой. Вѣдь, если бы въ договорѣ всѣ эпитеты Игоря пришлось проставить не 5, а 25 разъ, то и въ такомъ случаѣ они обязательно были бы проставлены, ибо писался договоръ одного государства съ другимъ, а не поэтическое произведеніе. Допустить же, чтобы эпитеты эти были выпущены уже позднѣйшими переписчиками, положительно не представляется возможнымъ; мы знаемъ, какъ относились наши древніе лѣтописцы ко всякому писанному слову. Наконецъ, если мы даже и допустимъ это, то все-таки останется непонятнымъ, почему же такой грѣхъ случился именно со статьями 8-ой и 11-ой, а не съ 1-ой или 2-ой или 16-ой?

Затѣмъ, что это за „князи Рускіи“, которые встрѣчаются въ статьѣ 8-ой, и опять-таки только въ ней одной? Вѣдь, договоръ писался съ однимъ Игоремъ, какъ ясно свидѣтельствуегъ о томъ текстъ его! Почему же, какъ только дѣло коснулось Корсунской страны, на сценѣ вдругъ появились какіе-то невѣдомые „князи Рускіи“? Откуда они взялись? Почему въ другихъ статьяхъ о нихъ упоминается только въ качествѣ придатка къ великому князю Игорю—„отъ Игоря великаго князя Рускаго и отъ всякоя князья“. „И великій князь нашъ Игорь (и князи)“ (ст. 1),—а здѣсь они выставлены самостоятельно?

Дать болѣе или менѣе удовлетворительныя отвѣты на всѣ эти вопросы, мнѣ кажется, возможно только въ томъ случаѣ, если признать, что въ статьѣ 8-ой договора 944 года рѣчь шла не объ одномъ только кievскомъ князѣ, но и о черноморскомъ, который, уже въ силу географическаго положенія своихъ владѣній, легче, чѣмъ всякій другой русскій князь, могъ заставить Кубанскихъ болгаръ не „накостить странѣ той“. Конечно, нѣсколько страннымъ является то обстоятельство, что Византія почему-то сочла себя въ правѣ налагать извѣстнаго рода обязательства на князя, который даже не принималъ никакого участія въ походахъ Игоря противъ нея. Но если мы взглянемъ внимательнѣе въ обѣ статьи договора, то намъ будетъ ясно, что Византія, въ дѣйствительности, непосредственно къ черноморскому

князю никакихъ требованій и не предъявляла. Объ этомъ князь даже и не упоминается въ договорѣ; онъ лишь подразумѣвается подъ тѣмъ неопредѣленнымъ терминомъ— „русскій князь“, который умышленно и вполне сознательно употребленъ только въ 8-ой и 11-ой статьяхъ договора. Этими статьями Византія желала обезпечить свои черноморскія владѣнія отъ набѣговъ какъ Киевской Руси, такъ Черныхъ болгаръ и Черноморской Руси. Но, не имѣя возможности обязать къ этому силой договора послѣднихъ, она возложила это на первую, которая обязалась и сама не воевать византійскихъ владѣній и удерживать отъ этого какъ черныхъ болгаръ, такъ и черноморскаго князя.

Для насъ же въ данномъ случаѣ важно то, что Византія не нашла возможнымъ отнести князя Черноморской Руси къ разряду „всякаго князя“, а выдѣлила его въ исключительное положеніе, поставила рядомъ съ кievскимъ княземъ и обозначила ихъ общимъ терминомъ „князи Рустіа“. А въ такомъ случаѣ ясно, что, съ точки зрѣнія византійскаго двора, черноморскій князь, если и считался *de iure* находящимся въ зависимости отъ кievскаго князя, то *de facto* былъ вполне независимымъ государемъ, какъ и владѣтель черныхъ болгаръ. Откуда же намъ будетъ понятно, что въ 966 году Святославъ покорялъ земли не ясовъ и касоговъ, пока ему совершенно ненужныя, а *Черноморской Руси*, стремясь, во что бы то ни стало, завладѣть Таматархой, которая, по его мнѣнію, должна была играть огромную роль, если бы осуществились тѣ планы, которые роились тогда въ головѣ кievскаго князя.

Наконецъ, въ 6-хъ, не мало способствовало паденію могущества хазаръ и построеніе Саркела на Дону.

Въ исторической наукѣ долго господствовало убѣжденіе, что Саркелъ былъ хазарскою крѣпостью, выстроенной греческимъ архитекторомъ Петроной, котораго послалъ въ хазарскую страну византійскій императоръ Теофилъ въ 837 году, по просьбѣ хазарскаго кагана, рассчитывавшаго, при помощи этой крѣпости, защитить свою землю отъ набѣговъ печенѣговъ. Это мнѣніе основывалось на извѣстіи Константина Порфиророднаго, помѣщенномъ въ 42-ой главѣ его сочиненія— „*De administrando imperio*“. Акад. Успенскій, подвергнувъ критическому изслѣдованію это извѣстіе, доказалъ неопровержимо, что Саркелъ былъ не хазарскою, а греческою крѣпостью, построенной греками же для укрѣпленія своего вліянія на сѣверныхъ берегахъ Чернаго и Азовскаго морей. „Въ X вѣкѣ“, говоритъ акад. Успенскій, „византійскія владѣнія на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря не ограничи-

вались Крымомъ, а простирались и на Хазарскія Климаты и утверждались военнымъ положеніемъ въ Саркелѣ¹⁾, построеніе котораго, по его мнѣнію, можно отнести приблизительно къ 903 году²⁾. Соглашаясь вполне съ мнѣніемъ проф. Успенскаго, я, съ своей стороны, позволю себѣ прибавить, что греки строили Саркелъ не столько противъ хазаръ, сколько противъ Руси, но построеніе этой крѣпости слѣдовало бы отнести не къ 903, а къ 907 или 908 году, и вотъ почему.

Если мы согласимся съ мнѣніемъ Соловьева и Ламбина, что основаніе Черноморской Руси слѣдуетъ отнести къ концу IX вѣка, то тѣмъ самымъ должны будемъ признать, что появленіе русскаго владѣнія у Босфора Киммерійскаго грозило Византіи великой бѣдой: Русь облегла теперь ея владѣнія въ Крыму съ двухъ сторонъ: съ запада, отъ Днѣпра, напирала Русь Кіевская, съ востока—Русь Черноморская; самостоятельность Херсона висѣла на волоскѣ, а походъ Олега показалъ ясно, чего должна ожидать имперія отъ своихъ сосѣдей на сѣверѣ. Тяжесть условій, на которыя вынуждена была согласиться Византія по договору съ Олегомъ, слѣдуетъ объяснять не столько силой удара, нанесеннаго ей походомъ этого князя, сколько тѣми опасностями, которыя грозили имперіи въ будущемъ. Византія должна была согласиться на всѣ условія въ тотъ моментъ, лишь бы хотя на время развязать себѣ руки, чтобы принять какія-либо мѣры на будущее время. И такой мѣрой было построеніе Саркела. Донъ пока никому не принадлежалъ; онъ лишь считался западной границей Хазарскаго каганата, но, надо полагать, защитить его хазары уже не имѣли силъ. Что же касается Руси, то она и претендовать на него не могла. А, между тѣмъ, построеніемъ крѣпости на этой рѣкѣ Византія не только снова обезпечивала за собой обладаніе Крымомъ и укрѣпляла свое вліяніе на Азовскомъ поморьѣ, но, что самое важное, разрывала связь между Русью Кіевской и Черноморской. Последнее обстоятельство было также, между прочимъ, одной изъ причинъ ранней независимости Черноморской Руси, которая, принявъ участіе въ походѣ Олега на Царьградъ, направляетъ съ того времени свои удары не на Византію, а совершенно въ другую сторону.

Укрѣпляясь въ Саркелѣ, Византія тѣмъ самымъ вновь получала возможность оказывать непосредственное вліяніе и на хазаръ, и на пе-

¹⁾ *Θ. Успенскій*, Византійскія владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ IX и X вѣкахъ („Кіевская Старина“, 1889 г., № 5, стр. 291).

²⁾ *Ibid.*, 294.

ченѣговъ, и на Русь Кіевскую, и на Русь Черноморскую, а имперія вообще гораздо болѣе любила дѣйствовать путемъ политики, чѣмъ оружіемъ. Вліять же, сидя въ Константинополѣ, на громадное пространство земель—отъ Кіева до Каспійскаго и Чернаго морей,—было, конечно, гораздо труднѣе, чѣмъ имѣя опору для такого вліянія въ Саркелѣ. На безусловную же необходимость такого вліянія указалъ походъ Олега на Царыградъ. Вотъ почему, мнѣ кажется, построеніе Саркела слѣдуетъ отнести ко времени послѣ этого похода, т. е. послѣ 906 года.

Кромѣ того, построеніемъ этой крѣпости византійской политикой достигалась и другая, весьма существенная цѣль. Какъ извѣстно, Византія вела обширную торговлю съ хазарами ¹⁾. Между тѣмъ, съ утвержденіемъ Руси на Босфорѣ Киммерійскомъ и при непосредственныхъ связяхъ этой Руси съ Русью Кіевскою, торговлѣ Византіи съ хазарами грозила неизбежная гибель. Всѣ выгоды, какія до того времени извлекала Византія изъ этой торговли, перешли бы въ руки русскихъ князей. Ламбинъ совершенно справедливо говоритъ, что „Олеги, открывъ свободный путь къ морю, могъ безпрепятственно развѣзжать *уже по своему Русскому морю* и вооруженною рукою, по праву сильнаго, вѣзять обильную дань съ его богатыхъ побережій“ ²⁾. Построеніемъ же крѣпости на Дону Византія вновь захватывала въ свои руки главную торговую дорогу съ хазарами и обезпечивала свое вліяніе какъ на этой дорогѣ, такъ и на всемъ Азовскомъ побережѣ. Какую огромную роль во взаимныхъ отношеніяхъ Руси и Византіи сыгралъ Саркелъ, чуть ли не въ первые же дни своего существованія, объ этомъ можно судить по слѣдующему, весьма любопытному явленію.

Разбивъ въ 906—907 году грековъ, Олегъ, какъ доказалъ то проф. Димитріу, заключилъ съ ними лишь словесный договоръ, который не былъ еще ратификованъ даже и въ 912 году. Но допустимъ, что Олегъ успѣлъ утвердить его передъ своей смертью. Зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ такъ долго медлялъ онъ съ ратификаціей столь выгоднаго для Руси договора? Отвѣтить на этотъ вопросъ мы едва-ли сможемъ, если не допустимъ, что съ построеніемъ Саркела сразу и рѣзко измѣнилось взаимное положеніе Руси и Византіи. Съ ратификаціей договора медлила не Русь, а Византія, которая, получивъ опору для своихъ владѣній на сѣверныхъ берегахъ Чернаго и Азов-

¹⁾ Гаркави, Извѣстія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ.

²⁾ Н. Ламбинъ, Тмутараканская Русь, *ibid.*, стр. 78.

скаго морей въ Саркельской крѣпости, смѣло могла уже затянуть ратификацію договора на цѣлыхъ пять лѣтъ. И кто знаетъ, тотъ-ли письменный договоръ былъ утвержденъ Олегомъ въ 911 — 912 году, который устно заключилъ онъ съ греками въ 907 г.?

Однако, какъ бы тамъ ни было, тотъ-ли или нѣсколько иной договоръ утвердилъ Олегъ въ 912 году, во всякомъ случаѣ, какъ этотъ договоръ, такъ и всѣ другіе служатъ для насъ прекрасными показателями взаимныхъ отношеній Руси и Византіи въ X вѣкѣ. „Этими договорами“, говоритъ проф. Успенскій, „обрисовываются внутреннія стороны торговыхъ и дипломатическихъ сношеній Руси съ Византіей“¹⁾.

Подводя теперь итогъ всему, изложенному во 2-ой главѣ, мы можемъ не только отвѣтить на вопросы, почему витичи были покорены позже всѣхъ другихъ славянскихъ племенъ, и какимъ образомъ могъ Святославъ отнять у хазаръ не принадлежавшій имъ Саркель, но и признать достовѣрными фактами нижеслѣдующіе: 1) что съ упадкомъ политическаго могущества хазаръ, въ X вѣкѣ, стала падать и торговля на всемъ восточномъ пути, охранять который хазары уже были не въ силахъ; 2) что въ томъ же X вѣкѣ по обѣимъ сторонамъ Керченскаго пролива успѣло образоваться и окрѣпнуть совершенно независимое и отъ Кіева, и отъ хазаръ княжество Черноморской Руси; 3) что походы 913 и 943 годовъ, о которыхъ говоритъ въ своей „Книгѣ путей и государствъ“ Ибнъ-Хаукаль, совершены не Кіевской, а Черноморской Русью, которая усиливалась по мѣрѣ того, какъ падало могущество хазаръ, и стремилась захватить въ свои руки не только подонскую, но и поволжскую торговлю; 4) что Саркель былъ построенъ византійцами не столько въ военныхъ, сколько въ политическихъ цѣляхъ, не столько противъ хазаръ, сколько противъ Руси, что построеніемъ этой крѣпости Византія не только ослабляла вліяніе Руси Кіевской и Руси Черноморской на всемъ Азовскомъ побережьѣ, но и обезпечивала за собой свободную торговую дорогу на Донъ и Волгу; наконецъ, 5) въ основѣ взаимоотношеній Руси Кіевской и Черноморской, хазаръ и Византіи въ IX и X вѣкахъ лежали преимущественно, если не исключительно, интересы торговли; однимъ изъ важнѣйшихъ доказательствъ въ пользу такого положенія является характеръ договоровъ Руси съ Византіей, къ разбору которыхъ мы и перейдемъ въ слѣдующей главѣ.

¹⁾ Успенскій, Русь и Византія въ X вѣкѣ, стр. 15.

III.

Относительно договоровъ Руси съ греками въ нашей исторической наукѣ существуютъ довольно обширная литература. Соглашаясь между собой во взглядахъ на характеръ этихъ договоровъ, наши ученые далеко расходятся между собой при рѣшеніи вопроса о дѣйствительности ихъ: одни готовы признать чуть не всѣ договоры позднѣйшими вставками, другіе—всѣ дѣйствительными. Такъ, проф. Сергѣевичъ изъ четырехъ, дошедшихъ до насъ договоровъ (907, 911, 944 и 972 годовъ), только послѣдній считаетъ не возбуждающимъ никакихъ недоразумѣній ни по содержанію, ни по формѣ ¹⁾. Что же касается болѣе раннихъ договоровъ руссовъ съ греками, предшествовавшихъ договору 907 года и не дошедшихъ до насъ, то о нихъ многіе изъ нашихъ ученыхъ, занимавшихся этимъ вопросомъ, не упоминаютъ вовсе. А, между тѣмъ, въ томъ, что такіе договоры были, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Такъ, уже походъ Аскольда и Дира 860 года окончился постыднымъ для Византіи миромъ, какъ доказалъ то г. Лопаревъ, указавшій вмѣстѣ съ тѣмъ и на то, что извѣстіе Симеона Логооста о гибели судовъ (отъ поднявшейся бури) должно считать подложнымъ, относящимся не къ русскому флоту 860 года, а къ аварскому 626 года ²⁾. Проф. Самоквасовъ, кромѣ того, старался доказать, что походъ этотъ былъ вызванъ нарушеніемъ греками условій союзнаго договора, въ доказательство чего приводитъ мѣста изъ первой и второй проповѣдей патріарха Фотія. Такимъ образомъ, уже договоръ 860 года снѣ считаетъ не первымъ ³⁾. Но, какъ доказалъ то проф. Васильевскій, и самую причину похода, а, значить, и самый союзъ, будто бы раньше бывшій между греками и Русью, слѣдуетъ считать ложными ⁴⁾. Проф. Дмитрію думаетъ, что въ 907 году подъ стѣнами Константинополя Олегъ заключилъ съ греками только словесный договоръ, а затѣмъ, по почину Византіи,

¹⁾ *Сергѣевичъ*, Греческое и русское право X вѣка (*Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1882 г., № 1, стр. 92).

²⁾ *Хр. Лопаревъ*, Церковное слово о русскомъ походѣ на Византію 860 года (*Византійскій Временникъ* 1895 года, № II, стр. 627 и 618).

³⁾ *Самоквасовъ*, Свидѣтельства современныхъ источниковъ о военныхъ и договорныхъ сношеніяхъ славяноруссовъ съ греками (*Варшавскія Университетскія Извѣстія* 1886 года, № 6, стр. 9).

⁴⁾ *Васильевскій*, Русско-византійскіе отрывки (*Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1878 г., № 1).

рѣшено было заключить формальный договоръ, ради чего и отправились послы Олега въ Константинополь въ 911 году. Однако Олегъ не успѣлъ ратифицировать этотъ договоръ, а Игорь отказался, имѣя свои личные замыслы на счетъ Византійской имперіи ¹⁾. Профессоръ же Сергѣевичъ полагаетъ, что въ 907 году никакого договора между Русью и греками заключено не было, и все дѣло ограничилось лишь предварительными переговорами ²⁾. Далѣе, въ Никоновской лѣтописи сообщается о примиреніи Аскольда и Дира съ греками, о договорѣ кievскихъ князей съ императоромъ Василиемъ Македоняниномъ и о крещеніи кievлянъ въ 876 году ³⁾. Наконецъ, по свидѣтельству Константина Порфиророднаго, императоръ Василій также склонялъ русовъ къ договору. То же говорятъ Кедринъ и Зонара ⁴⁾.

Итакъ, если вѣрять извѣстіямъ нашихъ лѣтописей и византійскихъ писателей, то окажется, что всѣхъ договоровъ между Русью и греками было заключено шесть: 860, 876, 907, 911, 944 и 972 годовъ. Если же мы исключимъ изъ ихъ числа договоръ 876 года, какъ не доказанный, и договоръ 907 года, какъ только словесный, измѣненный затѣмъ и ратификованный въ 911 году, то всѣхъ ихъ останется только четыре.

Принявъ теперь во вниманіе, что договоры эти всякій разъ заключались послѣ походовъ Руси на Царьградъ, естественно будетъ спросить: чѣмъ же были вызываемы эти самые походы? Проф. Димитріу говоритъ, что „какъ Олегъ, такъ и Игорь въ своихъ отношеніяхъ къ Византіи не руководствовались никакими другими соображеніями, кромѣ желанія сорвать съ грековъ дань золотомъ или другими предметами“ ⁵⁾. Однако, достаточно обратить вниманіе только на тѣ силы, съ которыми эти князья совершали свои походы на Царьградъ, чтобы усомниться въ правильности такого взгляда; трудно назвать походъ, въ которомъ участвуетъ около 100.000 человекъ, разбойничьимъ набѣгомъ. Кромѣ того, какъ извѣстно, Олегъ и Игорь нанимали для своихъ походовъ варяговъ; наемная же плата была высока, и атаманъ такой наемной шайки, въ случаѣ неудачи своего набѣга, рисковалъ многимъ. Наконецъ, всякаго рода военныя дѣй-

¹⁾ Димитріу, Къ вопросу о договорахъ русскихъ съ греками (Византійскій Временникъ, 1875 г., т. II, стр. 543 и 545).

²⁾ Сергѣевичъ, *ibid.*, 85.

³⁾ Ник. 21, 22.

⁴⁾ Мет. popul., II, 963—864.

⁵⁾ Димитріу, *ibid.*, 545.

ствія тяжело отзываются на вибшей торговлѣ воюющихъ сторонѣ. Торговля же Руси съ греками была весьма оживленная, и, если допустить, что она приносила хорошія выгоды обѣимъ сторонамъ, то спрашивается, могли-ли Олегъ и Игорь рассчитывать на то, что ихъ походы на Царьградъ принесутъ имъ больше выгоды, чѣмъ обыкновенная торговля? Первый походъ Игоря окончился, какъ извѣстно, полною неудачей, а стоялъ онъ, конечно, не мало; между тѣмъ князь готовить второй, еще большій походъ. Спрашивается, къ чему? Неужели все съ той же цѣлью грабежа? А если и этотъ окончится неудачей, то откуда же взять средства для покрытія расходовъ по обонмъ походамъ?

Если же мы вникнемъ въ содержаніе договоровъ Олега и Игоря съ греками, то мнѣніе проф. Димитрію должны будемъ отвергнуть совершенно. Даже при бѣгломъ чтеніи этихъ договоровъ каждому становится яснымъ, что главной цѣлью ихъ было *обезпеченіе торговли*, торговыхъ интересовъ русскихъ купцовъ. А развѣ такого рода договоры заключались когда-либо съ разбойничьими шайками? Если же это такъ, то спрашивается, какія же обстоятельства вызывали необходимость обезпеченія такой торговли? Вѣдь, если Византія вела торговлю съ Русью давно, если она извлекала изъ нея огромные барыши, то какой же былъ для нея смыслъ портить эту торговлю, чинить всякаго рода неудобства русскимъ купцамъ и тѣмъ каждый разъ вызывать новые походы со стороны русскихъ князей?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы, оставляя уже въ сторонѣ высокую образованность Византіи, ея прочный государственный строй, ея огромный политическій опытъ, выгоды ея положенія и т. п., однимъ словомъ все то, что само по собѣ уже давало имперіи неизмѣримое превосходство передъ полу-варварскою Русью, рассмотримъ только тѣ условія, въ которыхъ находилась русская торговля въ IX и X вѣкахъ.

Въ эту эпоху, какъ мы знаемъ, Русь прорѣзывали два главныхъ торговыхъ пути: восточный—Волжскій и западный—Днѣпровскій. Первый путь шелъ изъ Рижскаго и Финскаго заливовъ по рѣкамъ, озерамъ и волокамъ въ Волгу, затѣмъ Волгой и ея притоками въ Каспійское море, а оттуда въ страны Кавказа и мусульманскаго Востока. Такимъ образомъ, участіе въ томъ торговомъ движеніи, которое шло по этому пути, могла принимать Сѣверная Русь—полочане, ильменскіе славяне, сѣверные кривичи, и ея сосѣди—всѣ волжскія племена. Что же касается Днѣпровской Руси, то для нея этотъ путь былъ почти недоступенъ.

Изъ Кіева до волжскаго пути можно было добраться по тремъ артеріямъ. Первая шла вверхъ по Днѣпру, а оттуда волоками въ Волгу. Но по этой дорогѣ, насколько то можно судить по извѣстіямъ Константина Порфиророднаго, торговля шла, какъ кажется, только съ сѣвера на югъ, т. е. въ Византію и обратно, какъ выражается наша лѣтопись: „бѣ бо путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру“. На востокъ, надо думать, она не шла; въ восточной торговлѣ, быть можетъ, принимали участіе одни только смоленскіе купцы, такъ какъ Смоленскъ лежалъ на пересѣченіи обонхъ главныхъ путей. Второй артеріей могла быть Десна, но *торговаго пути* изъ этой рѣки въ Оку ни въ IX, ни въ X вѣкахъ еще не было; онъ появился гораздо позже ¹⁾. Это, впрочемъ, ясно изъ извѣстія лѣтописи о томъ, что Святославъ, первый изъ кіевскихъ князей, ходилъ въ землю вятичой; между тѣмъ, если бы Подднѣпровье вело торговлю съ вятичами уже до этого времени, то не только кіевскій князь, но и каждый кіевскій купецъ несомнѣнно зналъ бы, кому платять дань вятичи. Наконецъ, третья дорога шла на Донъ, а оттуда въ Волгу, но она скорѣе принадлежала западному, чѣмъ восточному пути.

Доказательствомъ тому, что Подднѣпровье не вело непосредственной торговли съ Востокомъ, можетъ служить то обстоятельство, что въ его области найдено всего только два клада съ арабскими монетами: одинъ въ Гомелѣ, другой—въ Минской губерніи. Въ виду того, что всѣ монеты, найденныя въ Гомелѣ, биты съ 896 года по 943-й, не подлежатъ сомнѣнію, что онѣ занесены туда кѣмъ-либо изъ участниковъ похода Святослава на Волгу. Что же касается второго клада, то, если онъ найденъ въ сѣверной части Минской губерніи, тогда онъ могъ попасть туда изъ Полоцка или Смоленска; если же въ южной, то объяснить это явленіе я не берусь. Къ сожалѣнію, ни Савельевъ ²⁾, ни Григорьевъ ³⁾ не указываютъ, въ какой мѣстности Минской губерніи найденъ этотъ кладъ.

Главной же артеріей *западнаго* пути былъ, конечно, прежде всего самъ Днѣпръ, по которому сплавлялась ежегодно огромная масса всякаго рода добра непосредственно въ Византію. Вторая артерія шла сухопутнымъ въ Галицію, а оттуда по Днѣстру въ подунайскіе города; южнымъ конечнымъ пунктомъ этого пути, такъ называемаго

¹⁾ Барсовъ, Русская историческая географія, стр. 22, 23.

²⁾ Савельевъ, Мухаммеданская нумизматика (о восточныхъ монетахъ, найденныхъ въ Россіи), стр. 25.

³⁾ Григорьевъ, (о кувчинскихъ монетахъ, стр. 135 („Россія и Азія“).

заловино, была та же Византія. Наконецъ, третья артерія, называвшаяся *солонымъ* путемъ, шла также сухопутьемъ на Донъ, а оттуда въ Крымъ и Азовское море ¹⁾. Надо думать, что въ эпоху господства хазаръ въ южной Россіи и до появленія печенѣговъ въ придонскихъ степяхъ, этотъ путь игралъ огромную роль въ торговлѣ Подиѣпровья; Н. И. Срезневскій даже думаетъ, что одной изъ главныхъ причинъ основанія Тмутараканскаго княжества на устьѣ Кубани было именно торговое движеніе, шедшее по этому пути. Но съ началомъ упадка могущества хазаръ, не имѣвшихъ уже силъ защищать этотъ путь отъ хищныхъ печенѣговъ, торговое движеніе по немъ упало. Впослѣдствіи этотъ путь снова возродился и былъ извѣстенъ подъ именемъ Муравскаго шляха ²⁾.

Можно, однако, предполагать, что кромѣ этого пути въ X вѣкѣ существовалъ и другой путь, но уже водный. Путь этотъ шелъ изъ Днѣпра по Самарѣ, ея притоку Волчьей, оттуда волокомъ въ Крымку, притокъ Калміуса, наконецъ Калміусомъ въ Азовское море, а оттуда— въ ту же Византію ³⁾.

По словамъ же Константина Порфиророднаго, существовалъ еще водный путь между Каркинитскимъ залвомъ и Меотидой, но вопросъ объ этомъ пути, по мнѣнію академика Бычкова, требуетъ еще точнаго изслѣдованія и принадлежитъ къ числу самыхъ запутанныхъ въ исторической географіи Россіи ⁴⁾.

Изъ этихъ четырехъ путей только одинъ заловный не находился непосредственно въ рукахъ Византіи; на всѣхъ же остальныхъ господами положенія были греки. Такимъ образомъ, къ половинѣ X вѣка вся торговля Подиѣпровья, *благодаря упадку могущества хазаръ* и закрытію для Руси, вслѣдствіе этого, рынковъ Востока, очутилась въ исключительномъ распоряженіи Византіи, чѣмъ послѣдняя и не преминула воспользоваться, конечно, въ своихъ интересахъ. Имперія, всегда неразборчивая въ средствахъ, и теперь не стѣснялась въ выборѣ ихъ, пользуясь выгодами своего положенія, какъ конечнаго пункта всѣхъ важнѣйшихъ торговыхъ путей на юго-востокѣ Европы и какъ единственнаго поставщика всякаго рода фабрикатовъ. Международное же право среднихъ вѣковъ не давало никакого обезпеченія купцу въ чужой землѣ, и его приходилось каждый разъ добывать отдѣльными

¹⁾ *Аристозъ*, Промышленность древней Руси, стр. 186, 187.

²⁾ *Аристозъ*, Промышленность древней Руси, стр. 187.

³⁾ *Брунъ*, Черноморье, ч. I, стр. 99.

⁴⁾ „Извѣстія Русскаго географическаго общества“, 1875 г., № 11, стр. 190.

договорами ¹⁾. И именно такому добыванію *узнаю права и обезпеченій и посвящены всѣ походы нашихъ князей на Византію.*

При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду также и того обстоятельства, что начало этихъ походовъ совпадаетъ съ первыми же страницами нашей исторіи, т. е. съ тѣмъ моментомъ, когда Византія не только могла, но и должна была вступать въ международныя сношенія съ Русью, какъ съ государствомъ, уже правильно организованнымъ ²⁾.

Тяжесть торговой зависимости Руси отъ грековъ хорошо сознавалъ уже Игорь. Всякаго рода обиды, несправедливости и даже насилия, которыя чинила Византія русскимъ купцамъ, вызывали со стороны послѣднихъ жалобы и протесты, но на нихъ византійское правительство мало обращало вниманія. Не имѣя возможности путемъ дипломатіи отстаивать интересы своей торговли и неприкосновенность своихъ подданныхъ передъ Византіей, Игорь въ 941 году рѣшился добиться этого путемъ оружія. Но, какъ извѣстно, походъ его кончился полной неудачей. Прекрасно понимая, къ чему могутъ повести послѣдствія такой неудачи, кіевскій князь съ колоссальными расходами снаряжаетъ новый, еще большій походъ, но и этотъ кончается также неудачно ³⁾. „Сравните“, говоритъ Погодинъ, „договоры Олеговъ и Игоревъ — одинъ, заключенный послѣ счастливаго набѣга, другой послѣ несчастнаго и безъ войны. Условія ихъ совершенно различны: кромѣ общихъ непремѣнныхъ постановленій, въ первомъ ясно видны варяги побѣдителями, во второмъ побѣжденными; всѣ статьи перваго клонятся къ явной пользѣ Руси, всѣ статьи второго

¹⁾ *Мартенсъ*, Современное международное право цивилизованныхъ народовъ, т. I, стр. 67—88.

²⁾ *Успенскій*, Русь и Византія въ X вѣкѣ, стр. 16.

³⁾ Что походы обошлись Игорю весьма не дешево, это можно легко увидѣть даже изъ приблизительнаго расчета. Допустимъ, что въ первомъ его походѣ участвовало только 30.000 человекъ, а во второмъ только 50.000, хотя, если держаться извѣстныхъ лѣтописи, мы можемъ взять гораздо большее число. Предполагая, что содержаніе каждаго воина, въ теченіе всего похода, вмѣстѣ съ наемной платой, стоило всего одну только гривну, мы найдемъ, что содержаніе всего войска обошлось Игорю въ 80.000 гривенъ. Для того, чтобы поднять 80.000 человекъ, полагая по 40 человекъ на лодку, потребовалось 2.000 лодокъ; такъ какъ каждая морская лодка стоила 3 гривны (*Аристовъ*, Промышленность древней Руси, стр. 304), то 2.000 лодокъ стоили 6.000 гривенъ, а весь походъ—86.000 гривенъ, т. е. болѣе 3²/₂ милліоновъ золотыхъ солидовъ, такъ какъ серебряная гривна равнялась 42 золотымъ солидамъ (*ibid.*, 281). Какой же жалкой суммой должны были показаться Святославу пресловутые центенаріи Калокира!

выгодны для грековъ; съ Олегомъ договариваются, Игорю предписываютъ“¹⁾).

Такимъ образомъ, въ годъ смерти Игоря положеніе кievскаго князя было весьма незавидное. Торговля Поднѣпровья, и безъ того въ теченіе послѣднихъ лѣтъ обогащавшая гораздо больше Византію, чѣмъ Русь, благодаря несчастнымъ походамъ Игоря, очутилась въ критическомъ положеніи. Политическое значеніе страны унижено сильно и надолго. Казна княжеская, благодаря тѣмъ же походамъ, опустѣла. Дружина, получавшая гроши, роптала, завидовала дружинникамъ Свѣнелда и готова была бросить своего вождя. Волей-неволей кievскимъ князьямъ приходилось подумать объ изысканіи новыхъ источниковъ доходовъ, и такіе источники, хотя далеко непохожіе на прежніе, были найдены. вмѣстѣ же съ измѣненіемъ ихъ, князьямъ пришлось измѣнить и характеръ своихъ дѣйствій. Что внутренняя и внѣшняя политика кievскихъ князей поворачиваетъ съ этого момента на другую дорогу, о томъ неопровержимо свидѣлствуютъ всѣ послѣдующія событія. Такъ, о послѣднемъ годѣ дѣятельности Игоря лѣтопись сообщаетъ намъ слѣдующее. „Въ лѣто 6453. Рюсна дружина Игоревя: «отроки Свѣдѣлжи изоодѣлися суть оружіемъ и порты, а мы нази; и поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудешь и мы». И послуша ихъ Игорь, иде в Дѣрева в дань, и мужи его; и возмя дань, и поиде въ свой городъ. Идущу же ему въспять, размысли рече дружинѣ своей: „идете вы с данью домови, а язъ възвращюся и похожу еще“. „И пусти дружину домови, съ маломъ же дружины възвратися, желая большая имѣнья“²⁾). Спрашивается, отчего раньше не прибѣгали къ такимъ мѣрамъ ни Олегъ, ни самъ Игорь? Отвѣтъ на это заключается въ словахъ дружины: „да и ты добудешь и мы“. Ясно, что не корыстолюбіе, не алчность побудили Игоря прибѣгнуть къ такой мѣрѣ, а горькая необходимость; ему нужно было, во что бы то ни стало, хотя чѣмъ-либо удовлетворить своихъ дружинниковъ, которые были „нази“, въ чемъ и упрекали своего князя. Не имѣя возможности одѣть ихъ и вооружить на свои личныя средства, очевидно, за полнымъ отсутствіемъ сихъ послѣднихъ, что было безызвѣстно и дружинѣ, Игорь попробовалъ прибѣгнуть къ новому источнику доходовъ.

Далѣе Несторъ сообщаетъ намъ слѣдующее. „Въ лѣто 6455 иде

¹⁾ М. Погодинъ, О договорахъ русскихъ князей съ греками („Несторъ“, 127).

²⁾ Ипат., 34.

Олга въ Новугороду и уставы по Мьстѣ погосты и дань, и по Лузѣ погосты и дань и оброки; и ловища ея суть по всей земли, и знаменія и мѣста и погосты, и по Двѣпру поревѣсища и по Досигѣ. И иде Олга (въ лѣто 6454) по Деревьской земли съ сыномъ своимъ и дружиною своею, уставляючи уставы и уроки¹⁾. Естественно спросить, отчего предшественники Ольги ограничивались установленіемъ одной лишь дани на подчиненныя племена, а Ольгѣ понадобились уже и уставы, и „уроки“, и дани, и „оброки“, и погосты, и даже поревѣсища? Отвѣтъ простой: прежней дани, благодаря измѣнившимся условіямъ торговли, было уже мало. Теперь, чтобы получить отъ грековъ ту сумму, какая получалась прежде за продававшуюся имъ дань, этой самой дани требовалось уже вдвое, если не втрое больше. Поэтому хозяйственную дѣятельность Ольги слѣдуетъ объяснять не столько тѣмъ, что она, какъ женщина, не могла совершать походовъ и потому посвятила себя заботамъ о внутреннемъ устроеніи земли Русской, сколько насущной необходимостью перейти отъ виѣшней торговли, не дававшей уже прежнихъ выгодъ, къ внутреннему хозяйству.

Но безъ виѣшней торговли Русь никоимъ образомъ не могла обойтись. Вѣдь, всѣ эти дани и оброки поступали въ княжескую казну натурой, и для того, чтобы имѣть деньги, ихъ надо было продавать. Но продажа, какъ видно, попрежнему шла туго, и вотъ, скрѣпя сердце, „въ лѣто 6463 иде Олга въ Грѣкы, и приде Царюграду“. Но не во главѣ могучей рати и не на безчисленныхъ скедяхъ пришла кіевская княгиня въ столицу грековъ, а съ небольшой свитой и въ качествѣ скромной просительницы. Тяжела была гордой княгинѣ такая роль, но что же будешь дѣлать: того требовали настоятельныя нужды государства. Съ какой же цѣлью предпринимала Олга свое путешествіе въ Царьградъ? „Объ этомъ“, говоритъ проф. Успенскій, „ничего нельзя сказать точнаго; догадки же сосредоточиваются главнѣйше на томъ, что она ждала въ Константинополѣ креститься. По моему же мнѣнію, Олга посѣтила Константинополь не ради принятія христіанства и не съ военной цѣлью. Въ задачахъ ея путешествія мы усматриваемъ ясно выраженными *торговье* и земскіе *интересы*, которые уже въ X вѣкѣ находились въ значительной зависимости отъ правильныхъ сношеній съ Византіей. Путешествіе Ольги иллюстрируетъ договоры съ греками, въ которыхъ также

---

¹⁾ Ипат., 38.

сильно выступаетъ стремленіе установить мирныя сношенія съ имперіей¹⁾). Мысль, по моему мнѣнію, единственно и безусловно правильная; только я позволилъ бы себѣ слово „сношеній“ замѣнить словомъ „отношеній“. „Догадки“, о которыхъ говоритъ проф. Успенскій, основываются, конечно, на извѣстіяхъ Нестора, который просмотрѣлъ дѣйствительно великое и мудрое, что видимъ мы въ дѣйствіяхъ нашей княгини, отмѣтивъ лишь то, что на дѣлѣ имѣло условное значеніе для страны.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что умная и дальновидная княгиня, видя невозможность путемъ оружія исправить отношенія Руси въ Византію, рѣшилась достигнуть этого путемъ переговоровъ и, въ надеждѣ достигнуть большаго личнымъ своимъ присутствіемъ, сама поѣхала въ Царьградъ. Къ сожалѣнію, жертва, принесенная княгиней, оказалась напрасной. Это ясно видно изъ того невѣжливаго пріема, который оказалъ Ольгѣ Византійскій дворъ²⁾, и изъ того саркастическаго отвѣта, который дала потомъ Ольга, уже въ Кіевѣ, византійскимъ посламъ³⁾.

Теперь мы можемъ отвѣтить на вопросъ, поставленный нами въ самомъ началѣ этой главы: *съ какой же цѣлью предпринималъ Святославъ свой отдаленный походъ на Оку, Волгу и Донъ?* Отвѣтъ простой: съ цѣлью отысканія новыхъ рынковъ, что, по мнѣнію проф. Ключевскаго, составляло одну изъ двухъ главнѣйшихъ задачъ государственной дѣятельности кіевскихъ князей. Тамъ, на Волгѣ, какъ слыхалъ то Святославъ, уже давно и бойко шла торговля съ далекими странами Востока. Отчего же бы не попытать счастья проникнуть туда? Вѣдь, ходили же предки Святослава съ сѣвера на югъ, почему же было не пойти ему съ запада на востокъ! Проникнуть туда, какъ мы знаемъ, можно было по двумъ дорогамъ: вверхъ по Днѣпру и внизъ—на Донъ. Но первый путь былъ страшно длиненъ; второй же—опасенъ и, кромѣ того, велъ не на востокъ, а на югъ, не къ хазарамъ, а къ грекамъ, которые, укрѣпившись въ Саркелѣ, захватили въ свои руки всю подонскую торговлю, мало уже съ того времени интересуясь торговлей съ Поднѣпровьемъ. Святославъ, какъ извѣстно, не пошелъ ни первой, ни второй дорогой, что, по моему мнѣнію, можетъ служить также однимъ изъ доказательствъ того, что Поднѣпровье не вело непосредственной торговли съ Восто-

¹⁾ Успенскій, Русь и Византія въ X вѣкѣ, 20, 22.

²⁾ Мет. popul., II, 976—980.

³⁾ Ипат., 40.

комъ. Онъ выбралъ новый путь, вверхъ по Деснѣ, а оттуда на Оку и Волгу. И только пройдя этотъ путь, понялъ нашъ князь, что онъ гонялся за несбыточной мечтой. Онъ понялъ, что найти торговые пути и рынки и овладѣть ими—мало; надо еще имѣть силы, чтобы и удержать ихъ за собой. Только проплывъ все огромное пространство отъ Кіева до Тмутаракани, узналъ Святославъ всю колоссальность его размѣровъ и страшную отдаленность его отъ Поддѣпровья; узналъ, что земли, лежащія по этому пути, богаты тѣмъ же сырьемъ, котораго и у него много, что сбывать это сырье нужно далеко на Востокъ, что вести торговлю съ мусульманскими народами Азии могли только мусульмане же,—хазары и болгары, и что замѣнить ихъ въ этомъ отношеніи онъ никоимъ образомъ не можетъ. Сидя уже въ Тмутаракани, понялъ нашъ князь, что слишкомъ рано вздумалъ онъ идти по тому историческому пути, по которому, спустя нѣсколько вѣковъ, пошла затѣмъ Русь, хотя все-таки путь этотъ—изъ Кіева на Оку и Волгу—первымъ прошелъ Святославъ.

Такимъ образомъ, кіевскому князю приходилось волей или неволей возвращаться на старую столбовую дорогу его предковъ. Приходилось вновь начинать дѣло все съ той же Византіей. Надо было только придумать новое средство, такъ какъ старыя не годились: ни походы, ни переговоры не привели ни къ чему. Такимъ средствомъ было прибрѣтеніе какого-либо опорнаго пункта на пути отъ Кіева до Византіи. Только владѣя такимъ пунктомъ, имѣя тамъ всегда наготовѣ достаточное количество морскихъ и сухопутныхъ силъ, можно было держать Византію въ страхѣ, можно было не беспокоиться за участь русской торговли. Одинъ такой пунктъ уже былъ въ рукахъ Святослава; это была Тмутаракань. Что обладанію этимъ городомъ кіевскій князь, на первыхъ порахъ, придавалъ огромное значеніе, это видно, между прочимъ, изъ того, что, разгромивъ Семендеръ, онъ не пошелъ въ устье Волги, откуда легко могъ потомъ перетянуться въ Донъ, а устремился прямо на Кубань, гдѣ и засѣлъ на цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ. Святославъ несомнѣнно имѣлъ намѣреніе направить всю торговлю Придѣпровья въ Азовское море, куда, какъ указано то выше, велъ водный путь; въ такомъ же случаѣ обладаніе Черноморскою Русью являлось для него дѣломъ первостепенной важности. Только укрѣпившись здѣсь, онъ могъ обезпечить свою торговлю съ Византіей. Но при этомъ кіевскій князь хорошо сознавалъ, что владѣть однимъ берегомъ Киммерійскаго Босфора—мало; надо было завладѣть и другимъ берегомъ. Тамъ, кстати, былъ и второй, весьма

важный въ торговомъ отношеніи, опорный пунктъ, который, если еще и не былъ въ рукахъ Святослава, то легко могъ очутиться въ нихъ; это былъ Херсонъ. Что Святославъ, сидя въ Тмутаракани, поглядывалъ на Крымъ, въ этомъ, по моему глубокому убѣжденію, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; по крайней мѣрѣ, уже сынъ его пошелъ туда безъ оглядки. Укрѣпившись на обѣихъ сторонахъ Киммерійскаго Босфора и завладѣвъ Херсономъ, уже можно было легко справиться съ Саркеломъ, захватить въ свои руки всю подонскую торговлю и не опасаться за участь торговли Поднѣпровья, куда бы она ни шла: въ Черное ли или Азовское море.

Но что Калокиръ, сидя въ Херсонѣ, посматривалъ на Тмутаракань, еще за-долго до прибытія туда Святослава, въ этомъ также едва ли можно сомнѣваться. По словамъ Льва Діакона, честолюбивый херсонскій протевонъ мечталъ о византійской коронѣ ¹⁾, а по мнѣнію проф. Успенскаго, о выдѣленіи Тавриды въ независимое владѣніе ²⁾. Но Таврида безъ Тмутаракани не имѣла и половины цѣны; совсѣмъ другое дѣло — имѣть въ рукахъ оба берега Киммерійскаго Босфора! Однако, ни короны, ни самостоятельности Тавриды Калокиръ безъ посторонней помощи добиться не могъ; это ясно изъ его послѣдующаго образа дѣйствій. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ ему былъ необходимъ союзникъ, съ которымъ его связывали бы общіе интересы. Лучшаго же союзника въ данномъ случаѣ, чѣмъ русскій князь, Калокиръ едва ли когда-либо могъ дождаться. И тутъ, въ Тмутаракани, произошло, по моему мнѣнію, первое знакомство Калокира съ Святославомъ. Русскій князь пробылъ въ Предкавказьѣ съ декабря 965 года по іюнь 966-го. Этого времени было вполне достаточно не только для того, чтобы успѣть познакомиться другъ съ другомъ и выработать общій планъ будущаго дѣйствія, но даже и для установленія дружбы, о которой говоритъ намъ Левъ Діаконъ ³⁾. Бѣда лишь въ томъ, что интересы будущихъ друзей и союзниковъ на первыхъ порахъ оказались діаметрально противоположными. Но Калокиръ сумѣлъ поправить дѣло. Онъ указалъ Святославу на то, что ни Саркела, ни Херсона Византія никогда не уступитъ ему безъ тяжкой борьбы; что удержать въ своихъ рукахъ Черноморскую Русь, благодаря отдаленности ея отъ Поднѣпровья, едва ли кievскій князь будетъ

¹⁾ *Левъ Діаконъ*, V, 1.

²⁾ *Ө. Успенскій*, Русь и Византія въ X вѣкѣ, стр. 25.

³⁾ *Левъ Діаконъ*, V, 2.

въ силахъ; что благодаря отсутствію славянскаго населенія на всемъ пространствѣ отъ Кіева до Азовскаго моря, торговое движеніе по этому пути будетъ сопряжено съ большими затрудненіями и опасностями отъ хищныхъ печенѣговъ; что, наконецъ, плаваніе вдоль восточныхъ береговъ Чернаго моря представляетъ огромныя неудобства. Тутъ же ознакомилъ Калокиръ Святослава съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей въ Византіи, съ своими личными мечтами и возможностью ихъ осуществленія и указалъ ему на третій торговый пунктъ, который лежалъ гораздо ближе къ Византіи, чѣмъ Черноморская Русь, и который весьма пришелся по душѣ Святославу. Такимъ пунктомъ была Болгарія.

Владѣя устьемъ Дуная, Болгарія держала въ своихъ рукахъ всю торговлю, которая шла по этой рѣкѣ, и въ то же время оказывалась на перекресткѣ торговыхъ дорогъ, шедшихъ изъ Богеміи, Венгріи, Польши и Руси въ Византію. Поэтому овладѣть такимъ пунктомъ было весьма важно, какъ для Руси, такъ и для Византіи, и послѣдняя не могла, конечно, не замѣчать этого. Политическое же и матеріальное состояніе Болгаріи было въ это время весьма печальное. Вліяніе грековъ, господствовавшее въ теченіе всего 40-лѣтняго царствованія Петра, вызванныя этимъ вліяніемъ внутреннія смуты, окончившіяся раздѣленіемъ страны на два царства, религіозный расколъ, сильный духовный упадокъ, постыдное изгнаніе изъ Константинополя болгарскихъ пословъ, явившихся туда за данью, и т. п., — все это ясно указывало на близкій конецъ еще такъ недавно славнаго царства. И Византія уже начинала поглядывать на Болгарію, какъ на лакомую добычу въ близкомъ будущемъ; пока же она обнаружила свое отношеніе только отказомъ въ уплатѣ дани, собираясь въ близкомъ будущемъ перейти къ болѣе активному образу дѣйствій. Но все это не могло быть извѣстно въ Кіевѣ. Святославъ узналъ объ этомъ только отъ Калокира и ясно понялъ, что, если Византія захватитъ Болгарію въ свои руки, тогда конецъ русской торговлѣ, т. е. конецъ главнымъ, если не единственнымъ, источникамъ доходовъ кіевскихъ князей. Поэтому обладаніе Болгаріей казалось Святославу дѣломъ необычайной важности и въ то же время не представлявшимъ особенныхъ затрудненій. Все это умѣло и только объяснилъ ему Калокиръ, обѣщавшій вмѣстѣ съ тѣмъ свое полное содѣйствіе, если Святославъ задумаетъ овладѣть Болгаріей. Съ своей стороны, кіевскій князь долженъ былъ гарантировать Калокиру обладаніе Крымомъ, Черноморской Русью и Саркеломъ.

Однако на пути осуществленія этихъ плановъ стояло одно, но весьма крупное препятствіе.

И Калокирь и Святославъ хорошо понимали, что Никифоръ никоимъ образомъ не допуститъ урвать у себя такую добычу, какую представляла собой Болгарія. Они прекрасно сознавали, что для Византіи далеко не безразлично, кто будетъ ея сосѣдомъ на Дунаѣ: старый ли и слабый Петръ или воинственный князь кіевскій. Это была бы очень плохая мѣна, при которой взаимныя отношенія Руси и Византіи могли измѣниться чуть ли не въ діаметрально противоположномъ отношеніи. Надо было, во что бы то ни стало, устранить возможность вмѣшательства грековъ въ русско-болгарскія дѣла, хотя бы только на первое время. Для этого надо было усыпить бдительность византійской политики. Дѣло было трудное. Но не даромъ уже добродушный Несторъ замѣтилъ, что „суть бо Грѣци мудри и до сего дни“. Калокирь бралъ на себя устроить дѣло. Планъ дѣйствій былъ таковъ.

Исполненіе своего обязательства Святославъ начинаетъ взятіемъ Саркела, а Калокирь еще раньше отправляется въ Византію съ докладомъ, что великая опасность, грозившая Херсону отъ свирѣпаго царя тавровъ, благодаря искусству его, Калокира, миновала благополучно. Вслѣдъ затѣмъ получается вѣсть о взятіи Саркела Святославомъ, что приписывается не столько слабости гарнизона крѣпости, сколько неумѣнью его начальника устранить опасность. Какъ поступило византійское правительство съ комендантомъ Саркельской крѣпости, мы не знаемъ, но что признательный Никифоръ облекъ Калокира *patricia dignitate*, объ этомъ намъ сообщаетъ Левъ Діаконъ. Тутъ же Калокирь, узнавъ, что императоръ не расположенъ вести войну съ болгарями силами имперіи, наводитъ его на мысль о возможности воспользоваться для этой цѣли дружиной Святослава, съ которымъ онъ, Калокирь, находится въ великой дружбѣ и пріязни. При этомъ императору докладывается, что воинственный царь тавровъ любитъ войну ради самой войны, а еще больше ради денегъ, что онъ, владѣя огромнымъ количествомъ земель, ни о какихъ завоеваніяхъ не думаетъ, свидѣтельствомъ чего служитъ его послѣдній походъ, и что силъ для такихъ завоеваній у него и не имѣется.

Предложеніе принято съ полнымъ одобреніемъ, такъ какъ осуществленіе его обѣщало взаимное ослабленіе обѣихъ, одинаково враждебныхъ Византіи, сторонъ: и „жадныхъ“ тавро-скяеовъ, и „грызущихъ сырыя шкуры болгаръ“. Исполненіе миссіи возлагается, конечно, на Калокира и, сообразно ея цѣли, послѣднему вручается ничтожная

сумма въ 15 центенеріевъ золота на наемъ дружины тавровъ, достаточной для солиднаго набѣга, но слишкомъ слабой для завоеванія страны. Получивъ золото и положивъ его преспокойно въ собственный карманъ, Калокиръ поспѣшно уѣхалъ изъ Византіи въ Херсонъ, откуда и далъ знать Святославу, что первая половина дѣла сдѣлана.

Только при такихъ условіяхъ мы можемъ объяснить себѣ и поразительную безпечность Никифора, не заключившаго никакого договора съ Святославомъ и положительно прогнѣвавшего завоеваніе послѣднимъ Болгаріи, и полную неприготовленность имперіи къ войнѣ на полуостровѣ, и посольство въ Кіевъ именно Калокира, непосредственно послѣ взятія Святославомъ Саркела, и умолчаніе объ этомъ посольствѣ нашихъ лѣтописей, и наемъ Калокиромъ за 15 центенаріевъ 60-тысячной арміи, и необычайную быстроту дѣйствій Святослава, спѣшившаго воспользоваться временнымъ усиленіемъ византійской политики, и странную неясность намековъ Цимискія на принятія кіевскимъ княземъ награды и обязательства, и упорное непониманіе послѣднимъ этихъ намековъ.

Въ томъ случаѣ, если бы Никифоръ задумалъ самъ вести войну съ болгарами, и такимъ образомъ предложеніе Калокира не было бы принято, херсонскій протевонъ тотчасъ извѣстилъ бы Святослава, который долженъ былъ не замедлить предложеніемъ своихъ услугъ Болгаріи. Ясно, что послѣдняя досталась бы тому изъ двухъ претендентовъ, который остался бы побѣдителемъ. Но пока Святославъ и Никифоръ боролись бы между собой за Болгарію, Калокиръ имѣлъ бы время для осуществленія своихъ плановъ. Остальное должно было показать будущее, въ которое херсонскій протевонъ могъ смотрѣть съ легкимъ сердцемъ: если въ концѣ концовъ одолѣетъ Святославъ, онъ будетъ владѣтелемъ солиднаго куска земли, если побѣдитъ Никифоръ, — онъ ничего не потеряетъ по той простой причинѣ, что ничего и не имѣетъ.

Итакъ, первая половина задуманнаго Калокиромъ плана была выполнена блестяще. Почему же не столь успѣшно исполнена была вторая, мы постараемся объяснить въ слѣдующей статьѣ.

III. Зноймо.